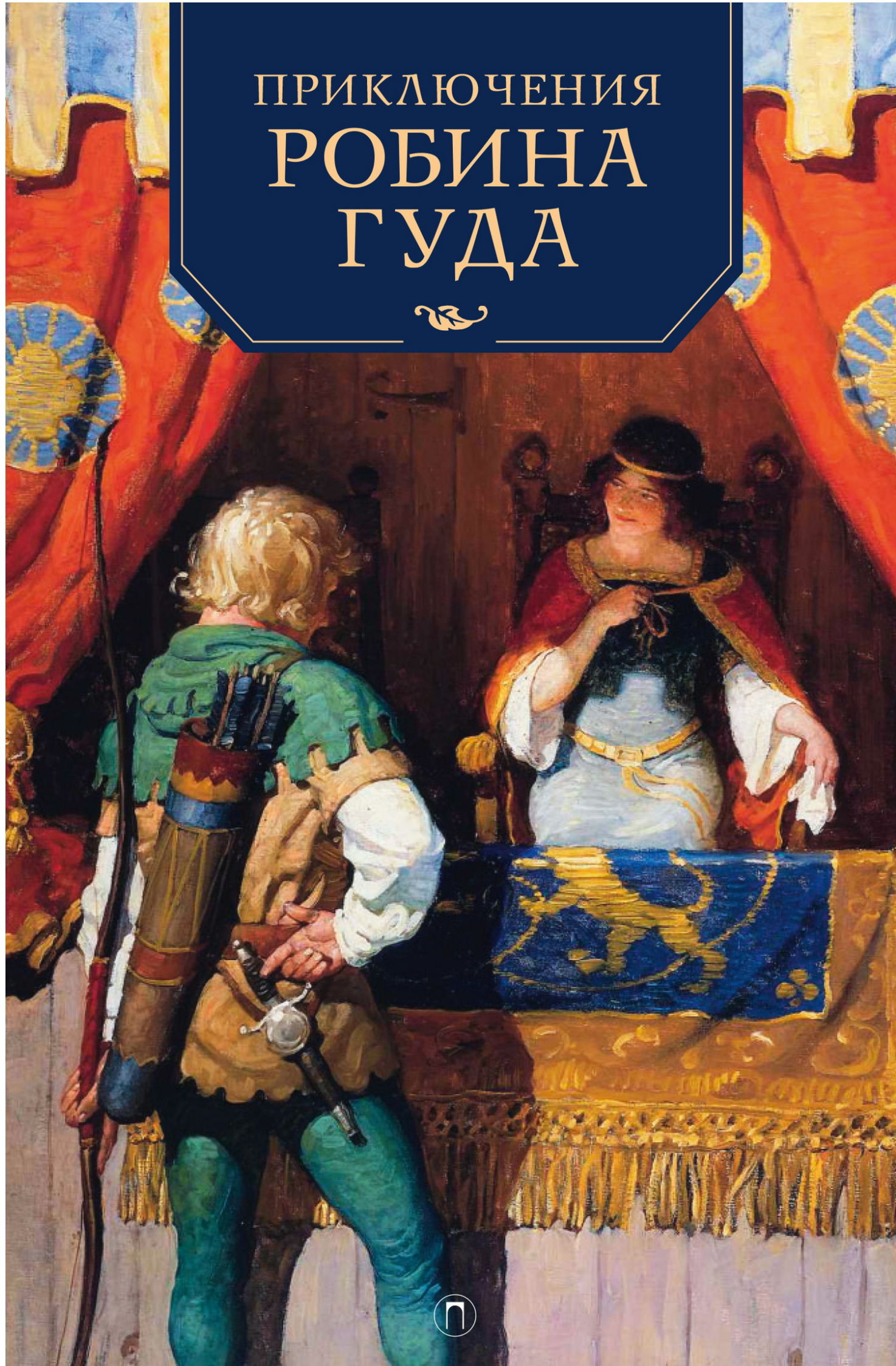

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНА ГУДА

Книги для умных детей

Говард Пайл

Приключения Робина Гуда

«РИПОЛ Классик»

1883

УДК 82/89
ББК 84(7Сое)6

Пайл Г.

Приключения Робина Гуда / Г. Пайл — «РИПОЛ Классик»,
1883 — (Книги для умных детей)

ISBN 978-5-521-00395-2

Американский писатель и художник-иллюстратор Говард Пайл (1853-1911) собрал и обработал множество легенд и баллад о Робине Гуде. Ни одна из этих историй Пайлом не придумана, он лишь связал их воедино – получилась увлекательная, полная средневекового колорита и народного английского юмора повесть о благородном разбойнике и его веселых друзьях-йоменах, живущих под сенью Шервудского леса.

УДК 82/89
ББК 84(7Сое)6

ISBN 978-5-521-00395-2

© Пайл Г., 1883
© РИПОЛ Классик, 1883

Содержание

От автора к читателю	6
Пролог. Как Робин Гуд оказался преступником	7
Робин Гуд и жестянщик	14
Состязание стрелков в Ноттингеме	21
Друзья спасают Уилла Стьютли	27
Как Робин Гуд обернулся мясником	32
Малыш Джон едет на ноттингемскую ярмарку	38
Как Малыш Джон жил у шерифа	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Говард Пайл

Приключения Робина Гуда

HOWARD PYLE

The Merry Adventures of Robin Hood

© Зорина М. А., перевод на русский язык, 2013

© Степанов С. А., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии»,
2018

От автора к читателю

Если вас интересуют лишь серьезные дела и вам жаль уделить несколько мгновений радости и веселью в стране Фантазии, если вы полагаете, что в жизни нет места простодушному смеху, который никому не причинит вреда, – эта книга не для вас. Захлопните ее и не читайте далее, ибо говорю вам прямо: двинувшись вперед, вы с возмущением увидите славных и достойных исторических персонажей в таком легкомысленном обличье и пестрых шутовских нарядах, что и не признать бы вам их, если бы не имена. Встретится вам дюжий и вспыльчивый, но при том не такой уж и злой парень, величаемый Генрихом Вторым. Под именем королевы Элеоноры предстанет дама, красота и благородство которой всех заставляют склониться в глубоком поклоне. Вы увидите толстопузого негодяя, облаченного в одежды духовного лица, – его именуют епископом Херефордским. Покажется перед вами человек злобного нрава и мрачного вида – достопочтенный шериф ноттингемский. А впереди всех выступит высокий, сильный и веселый парень, что пускается в опасное путешествие по лесу, участвует в простых молодецких забавах, на веселом пиру сидит рядом с шерифом и носит имя славнейшего из Плантагенетов – Ричарда Львиное Сердце. Кроме того, встретится вам множество рыцарей, монахов, знатных особ, купцов, йоменов¹, пажей, дам, девиц, землевладельцев, нищих, коробейников и прочих, живущих самой что ни на есть веселой жизнью и связанных друг с другом лишь несколькими ниточками – строчками старинных баллад (ниточки эти покромсаны, порезаны и заново связаны друг с другом не одним десятком узлов), – которые тянут их то туда, то сюда, а они тем временем поют песни.

Здесь вы найдете сотню скучных, невзрачных, обыденных мест, так разукрашенных цветами и бог весть чем, что никто не признает их в этом причудливом уборе. Перед вами предстанет страна, носящая всем известное название, но в ней нет холодных туманов, от которых становится тягостно на душе, и дожди идут лишь такие, что легко стекают со спины, точно апрельский ливень с гладких боков селезня. В ней все время цветут цветы и постоянно щебечут птицы, в ней всякий идущий по дороге путник насвистывает веселую песенку, а эль, пиво и вино, не дурманные голову, текут рекой.

Эта страна – не сказочная. А какая же? Это страна Фантазии, и прекрасна она тем, что, если вы вдруг устанете от нее, – хлоп! – закройте книгу – и она исчезнет, а вы без всякого ущерба для себя вернетесь к обычным делам.

А теперь я подниму занавес, отделяющий нас от Страны-которой-нет. Пойдешь ли ты со мною, любезный Читатель? Благодарю тебя. Протяни же мне руку.

¹ Йомены – в феодальной Англии свободные мелкие землевладельцы, которые, в отличие от джентри, самостоятельно занимались обработкой земли. – *Примеч. ред.*

Пролог. Как Робин Гуд оказался преступником

Здесь мы расскажем о происшествии, случившемся с Робинем Гудом при встрече с королевскими лесничими, а также поведаем о том, как собрались вокруг него его товарищи и как благодаря одному славному приключению он познакомился со своим лучшим другом и помощником – знаменитым Мальшиом Джоном.

В веселой Англии старых добрых времен, когда страной правил король Генрих Второй, жил в зеленой дубраве Шервудского леса, что неподалеку от города Ноттингема, знаменитый разбойник по имени Робин Гуд. Не знала земля другого лучника, который с таким мастерством и легкостью умел пристрелить дикого гуся, не знала земля йоменов, равных тем полутора сотням, что обитали вместе с ним под сенью зеленых деревьев. Весело жили они в чаще Шервудского леса, не зная ни нужды, ни тревог, забавляясь стрельбой из луков да поединками на дубинках, питаясь королевской олениной и запивая ее октябрьским элем.

И Робин Гуд, и все его товарищи были разбойниками и жили в стороне от других людей, однако окрестные жители любили их, ибо, кто бы ни пришел к веселому Робину за помощью в минуту нужды, никто не уходил от него с пустыми руками.

А теперь я поведаю вам о том, как Робин Гуд не поладил с властями и стал преступником.

Когда Робину было восемнадцать лет, он был сильным телом и отважным духом юношей. Шериф ноттингемский устроил соревнование стрелков, а наградой лучшему назначил бочку эля. «Что ж, – сказал себе Робин, – отправлюсь и я туда, отчего не натянуть тетиву ради прекрасных глаз моей возлюбленной и бочки доброго октябрьского эля?» Поднялся он, взял свой крепкий тисовый лук и два десятка добрых стрел в ярд длиной и пошел из города Локсли через Шервудский лес в Ноттингем.

Дело было на рассвете, в славном месяце мае, когда зеленеют деревья, пестреют на лугах цветы; когда яркие маргаритки, желтые бутоны сердечников и красавицы примулы распускаются вдоль колких зеленых изгородей; когда цветут яблони и нежно щебечут птицы, поют жаворонки и дрозды; когда парни и девушки глядят друг на друга по-особому ласково; когда хлопотливые хозяйки отбеливают белье, расстелив его на зеленой траве. Чудесно было в лесу, тропками которого шел Робин Гуд, ярко зеленели деревья, мягко шелестела листва, и из гущи ее доносились громкие трели птиц. Робин Гуд беспечно насвистывал, шагая через дубраву, и думал о Мэриан и ее прекрасных глазах, ибо в такое время мысли юноши обыкновенно обращаются к девушке, которую он любит более всего.

Так шел он, весело присвистывая, и вдруг увидел сидящих под большим дубом лесничих. Числом их было пятнадцать, они угощались огромным пирогом, руками отламывая от него куски и запивая их пенистым элем, который разливали из стоявшей рядом бочки по большим рогам. Лесничие были одеты в зеленое линкольнское сукно и, сидя на изумрудной траве под большим раскидистым деревом, являли собой великолепное зрелище. Один из них, не прожевав еще еды, крикнул Робину:

– Эй! Куда это ты, паренек, отправился с таким паршивым луком и грошовыми стрелами? Робин рассердился.

– Мой лук и стрелы, – ответил он, – ничем не хуже твоих. Более того, я направляюсь в Ноттингем на стрелковое состязание, которое устраивает шериф ноттингемский. Там я сражусь с другими отважными йоменами за бочку отличного эля.

Тут в разговор вступил другой лесничий, державший в руке рог с элем:

– Ха! Только послушайте этого парня! Малыш, да у тебя на губах еще молоко не обсохло, а ты болтаешь, будто сразишься наравне с отважными ногтингемскими стрелками, – ты, который не сможет даже натянуть тетивы лука в два стоуна² весом!

– Спорю с лучшим из вас на двадцать марок, – воскликнул храбрый Робин, – что попаду в цель с расстояния в шестьдесят родов³, да поможет мне Дева Мария!

Услышав это, все рассмеялись, и один сказал:

– Умеешь похвастаться, милое дитя, умеешь! И прекрасно знаешь, что нет такой мишени, ради которой стоило бы тебе биться с нами об заклад.

А другой крикнул:

– В следующий раз он себе в молоко эля добавит!

При этих словах Робин разозлился не на шутку.

– Вот что, – проговорил он, – там, на краю поляны, я вижу стадо оленей. Расстояние до него даже больше, чем шестьдесят родов. Ставлю двадцать марок, что застрелю лучшего оленя в этом стаде.

– По рукам! – вскричал тот, что заговорил с Робинем первым. – Вот и мои двадцать марок. Бьюсь об заклад, что не попадешь ты ни в одного оленя, поможет тебе Дева Мария или нет!

Взял Робин в руки свой крепкий тисовый лук, прижал к ноге, ловко закрепил тетиву, приставил добрую стрелу длиною в ярд и, подняв лук, натянул тетиву так, что серое гусиное перо оказалось у самого его уха; в следующий миг послышался звук отпускаемой стрелы, и она устремилась через поляну – погоняемый северным ветром, так несется к добыче ястреб. Высоко подпрыгнул сильнейший олень в стае и тут же пал мертвым, обagrив зеленую траву хлынувшей из сердца кровью.

– Хо! – вскричал Робин. – И как тебе понравился мой выстрел, парень? Заклад теперь точно мой, а это ведь триста фунтов!

Тут лесничие впали в гнев, и пуще всех разозлился тот, что заговорил с Робинем первым и бился с ним об заклад.

– Нет! – воскликнул он. – Заклад не твой, и давай-ка уходи отсюда, да поскорее, а не то, клянусь всеми святыми на небесах, я тебе так бока отдубашу, что ходить не сможешь!

– Да знаешь ли ты, – сказал другой, – что убил королевского оленя, а по законам нашего милостивого господина и повелителя, короля Гарри⁴, тебе теперь должны отрезать уши под самые корни?

– Хватайте его! – крикнул третий.

– Нет, – проговорил четвертый, – отпустим его – он совсем юн.

Ни слова не сказал Робин в ответ, лишь мрачно посмотрел на лесничих, повернулся на каблуках и пошел прочь. Но сердце его переполняла сильнейшая ярость, потому что в его жилах текла горячая молодая кровь, всегда готовая закипеть.

Однако тот, что первым заговорил с Робинем, не оставил его в покое. В нем тоже бурлила ярость: и оттого, что Робин взял над ним верх, и от выпитого эля. И вот, внезапно и без всякого предупреждения, он вскочил на ноги, схватил лук и прижал к нему стрелу.

– Сейчас ты у меня быстрее побежишь! – прокричал он и пустил стрелу в сторону Робина.

Повезло Робину Гуду, что голова у лесничего кружилась от выпитого эля: иначе он не сделал бы более ни единого шага. Стрела просвистела в трех дюймах от его головы. Он обернулся, быстрым движением взял в руки свой лук и отправил стрелу в ответ.

² Стоун (англ. stone, букв. «камень») – британская единица измерения массы, равная 14 фунтам или 6,35029318 кг. – *Примеч. ред.*

³ Род (англ. rod) – английская и североамериканская поземельная единица длины, равная 5,0292 м. – *Примеч. ред.*

⁴ Генрих II Плантагенет (1133–1189), первый английский король из династии Плантагенетов. – *Примеч. ред.*

– Ты говорил, что стрелок из меня никудышный? – громко воскликнул он. – Повтори-ка это теперь!

Просвистела стрела, и лучник с громким возгласом упал на землю ничком. Его собственные стрелы с шумом высыпались из колчана, их оперение обагрила кровь. Прежде чем остальные успели понять, что произошло, Робин Гуд скрылся в лесной чаще. Кто-то из лесничих пустился было за ним вслед, но без большого рвения: все они боялись той же участи, что постигла их товарища. Оставшиеся подняли тело погибшего и понесли его в Ноттингем.

Тем временем Робин Гуд бежал через лес. От прежних радости и счастья не осталось и следа, сердце его полно было боли, ибо он убил человека.

– О горе, горе! – повторял он. – Зачем повстречался ты мне – ведь из-за меня будет теперь рыдать твоя жена! Лучше бы не говорил ты мне ни слова и не пересекались наши пути никогда в жизни, лучше бы лишился я указательного пальца на правой руке, чем сотворил такое! Не подумав, сделал я выстрел, и какая же мука терзает меня теперь!

Однако, как ни страдал Робин, вскоре вспомнил он старую поговорку: что сделано – то сделано, разбитое яйцо не склеишь.

Так он поселился в лесу, которому предстояло стать его домом на многие годы, и больше не вернулся к счастливой жизни среди парней и девушек города Локсли. Он стал преступником, и не только потому, что застрелил человека, но и потому, что незаконно убил королевского оленя. За его голову было назначено двести фунтов награды – любому, кто приведет его на королевский суд.

Сам шериф ноттингемский поклялся, что поймает подлеца Робина Гуда и предаст суду. На то было две причины: во-первых, он хотел получить двести фунтов, а, во-вторых, лесничий, которого убил Робин Гуд, приходился ему родственником.

Целый год прятался Робин в Шервудском лесу, и за это время вокруг него собралось множество ему подобных: кто-то в голодную зиму застрелил оленя, был замечен лесничими, но убежал, спасая тем самым свои уши; кого-то лишили наследства, чтобы присоединить его землю к королевским угодьям в Шервудском лесу; кого-то обобрал богатый барон, аббат или влиятельный эсквайр. Все, по той или иной причине, ушли в Шервудский лес от несправедливости и притеснений.

За этот год сотня, а то и больше, храбрых йоменов собрались вокруг Робина Гуда. Они выбрали его своим предводителем и дали клятву разорить своих притеснителей – будь то барон, аббат, рыцарь или эсквайр, – забрать отнятое ими у бедняков несправедливыми налогами, платой за аренду земли, незаконными штрафами и вернуть бедным людям. Кроме того, они поклялись не причинять вреда ни ребенку, ни женщине – девице ли, замужней или вдове. Потому через некоторое время, когда люди увидели, что от Робина Гуда и его товарищей не исходит зла, а, напротив, в трудные времена многие бедные семьи получают от них деньги и еду, бедняки стали восхвалять Робина и рассказывать множество историй о нем и его делах, ведь они чувствовали в нем своего.

Как-то утром, когда среди листвы беспечно щебетали птички, поднялся Робин Гуд ото сна, поднялись и все его сотоварищи, умылись в студеном бойком ручейке, стали резвиться и со смехом прыгать с камня на камень. А потом Робин сказал:

– Уже две недели не было нам потехи, пойду-ка я сегодня отсюда, поищу приключений. А вы, товарищи мои, оставайтесь здесь и слушайте внимательно, не раздастся ли мой сигнал. Три раза дуну я в свой горн, если случится беда; как услышите – скорее спешите ко мне, потому что мне понадобится ваша помощь.

С этими словами пошагал он широким шагом по тенистым лесным лужайкам. Шел он, шел и добрался до окраины Шервуда. Долго бродил он по большим и малым дорогам, по темным лощинам и лесным опушкам. Встречались ему то миловидная статная девица на тенистой тропинке, с которой перебрасывался он веселым словечком, то прекрасная дама в седле, перед

которой снимал он шапку и которая степенно кланялась в ответ ладному юноше; видел он то пузатого монаха на груженном корзиной осле, то храброго рыцаря с копьем и щитом, в доспехах, ярко сияющих на солнце, то пажа в малиновых одеждах, то купца из Ноттингема, важно идущего по своим делам. Кого только ни повстречал он, а приключений не нашел. Наконец, идя лесной опушкой, оказался он на тропинке, что вела к широкому ручью с каменистым дном, через который был перекинут узкий мост – одно бревно. Подойдя к мосту, Робин Гуд увидел высокого незнакомца, приближающегося к нему с другой стороны. Робин немедленно ускорил свой шаг, но и незнакомец сделал то же: каждый хотел перейти ручей первым.

– Уступи дорогу, – сказал незнакомцу Робин, – и позволь пройти сильнейшему.

– Ну уж нет, – отвечал тот, – уступай дорогу сам, потому что сильнейший здесь, как мне известно, я.

– Это мы сейчас узнаем, – промолвил Робин Гуд, – а пока стой где стоишь, а не то, клянусь светлым ликом святой Эльфриды, я покажу тебе старую добрую ноттингемскую забаву со стрелой, которая окажется у тебя прямо между ребер.

– Что ж, – проговорил незнакомец, – я тебе так шкуру выдублю, что она станет пестрой, как тряпье, которое носит нищий, – попробуй только коснуться тетивы лука, что держишь в руках.

– Осел, что за чепуху ты несешь, – сказал ему Робин, – да я мог бы пронзить стрелой твое сердце быстрее, чем монах в Михайлов день произносит молитву над жареным гусем!

– Твоя болтовня – слова труса, – ответил незнакомец. – Ты стоишь передо мной с тисовым луком в руках, готовый выстрелить мне в сердце, тогда как у меня нет ничего, кроме палки из терновника, чтобы с тобой сразиться.

– Богом клянусь, – молвил Робин, – никогда в жизни не называли меня трусом. Я отложу лук и стрелы, и, если ты готов подождать меня, пойду раздобуду себе дубинку, чтобы испытать свою храбрость в бою с тобой.

– И прекрасно! Подожду, причем с удовольствием, – сказал незнакомец и встал, опершись на палку.

Робин Гуд быстро отступил в лес, срезал молодой дубок, ровный и гладкий, в шесть футов длиной, и вернулся, обдирая с него веточки, а незнакомец ждал, опершись на палку, и, посвистывая, поглядывал по сторонам. Робин незаметно наблюдал за ним, срезая ветки, краем глаза осматривал его с головы до ног и подметил про себя, что в жизни не видал парня более дюжего и крепкого. Высок был Робин, но на голову с лишним выше был незнакомец. Росту в нем было семь футов. Широкий был Робин в плечах, но на две ладони шире был незнакомец. А в поясе был он по меньшей мере в эль⁵ шириной.

«И все равно, друг мой добрый, – подумал про себя Робин, – отколошматить тебя мне будет легче легкого».

А вслух произнес:

– Гляди, готова моя дубинка, крепкая и прочная. Наберись храбрости, я иду на тебя. Сразись со мной бесстрашно! Станем драться, пока один из нас от ударов не свалится в ручей.

– Прекрасно! Душа моя того только и желает! – вскричал незнакомец, и, перебирая пальцами, закрутил дубинкой над головой, так что в воздухе засвистело.

Рыцарям Круглого стола, и тем не доводилось бывать в такой схватке, в какой сошлись эти двое. В мгновение ока очутился Робин на мосту, где уже стоял незнакомец. Сначала Робин сделал ложный выпад, а потом нанес удар, метя в голову незнакомцу, и если бы удар этот достиг цели, тот камнем полетел бы в воду. Однако незнакомец ловко отразил его и ответил ударом не менее мощным. Но Робин сумел защититься с равным искусством. Целый час сражались

⁵ Эль (англ. ell от швед. aln – локоть) – старинная английская мера длины, возможно первоначально равная длине всей руки, содержит 45 дюймов или 1,14 м, использовалась для измерения тканей. – Примеч. ред.

они так, каждый оставаясь на своем месте, не отступая и на толщину пальца. Много ударов получил и нанес и тот и другой, у обоих было по многу шишек и ссадин, но ни один не думал крикнуть «довольно!», непохоже было, что кто-то из них ослаб и скоро упадет в воду. Время от времени они останавливались передохнуть, и каждый думал про себя, что в жизни не видал еще подобного мастера боя на дубинках. Наконец Робин нанес незнакомцу такой удар по ребрам, что у того от куртки пошел пар, точно от сырой соломенной крыши на солнцепеке. Столь силен был удар, что на волосок оказался незнакомец от края моста и чуть не упал, но быстро оправился и ловким движением огрел Робина по темени, так что у того потекла кровь. Робин разъярился не на шутку и изо всей мочи кинулся на незнакомца. Но тот отразил удар и снова дал Робину затрепину, да такую, что Робин вверх тормашками полетел прямо в воду, как падает в игре в шары королевская кегля.

– Ну и где ты теперь обретаешься, приятель? – крикнул ему незнакомец, заходясь смехом.

– Да в реке я, несут меня волны, – крикнул в ответ Робин, не найдя сил противиться смеху и сам хохоча над своей скорбной участью. Затем он встал на ноги и выбрался на берег, переполошив стайки мелких рыбешек.

– Протяни мне руку, – обратился он к сопернику, дойдя до берега. – Я вынужден признать, что ты храбрый и крепкий малый и знатно дерешься на дубинках. В голове у меня гудит, как в пчелином улье в жаркий июньский день.

Затем он прижал к губам горн и громко протрубил, так что эхо прокатилось по лесным тропинкам.

– Что ж, славно, – снова заговорил он. – Никогда, клянусь, не встречал я на просторах отсюда до Кентербери человека, который сумел бы то, что сделал ты.

– А ты, – со смехом отвечал незнакомец, – принял мой удар как настоящий смельчак и славный йомен.

Тут послышался отдаленный хруст веток, и неожиданно десятка четыре крепких йоменов, одетых в зеленое, возглавляемые славным Уиллом Стьютли, выскочили из лесной чащи.

– Предводитель, что стряслось? – вскричал Уилл. – Ты промок до нитки, до самых костей!

– Да вот, – отвечал весело Робин, – этот крепкий парень сбросил меня в воду без долгих церемоний, а до того крепко намял мне бока!

– Тогда не может он уйти без хорошей взбучки и купанья! – воскликнул Уилл Стьютли. – Налетай, ребята!

Уилл и два десятка йоменов кинулись на чужака, однако тот оказался готов к нападению и пошел махать своей крепкой дубинкой направо и налево. В конце концов они взяли его числом, но не раз хватались нападавшие за побитые макушки, прежде чем противник был сломлен.

– Эй, потише! – крикнул Робин, смеясь так, что его намятые бока опять заболели. – Он парень что надо, не причините ему вреда! Послушай, молодец, а не хочешь ли ты остаться со мной и моими друзьями? Каждый год я стану давать тебе три платья зеленого сукна, а вдобавок к тому по сорок марок. Будешь делить с нами все хорошее, что выпадет на нашу долю. Будешь есть нежную оленину да запивать крепким элем и станешь моей правой рукой, потому как прежде не видел я никого, кто бы так знатно дрался на дубинках. Ну как, станешь одним из добрых моих товарищей?

– Уж не знаю, – утрюмо ответил незнакомец, разозленный тем, как с ним обошлись. – Если со своим тисовым луком и яблоневыми стрелами обращаешься ты не лучше, чем с дубовой палкой, в моей стороне тебя йоменом не назовут. Но если есть среди вас человек, который стреляет лучше моего, то я поразмыслю, не стоит ли вступить в ваши ряды.

– Ну и плут же ты, любезный, – проговорил Робин Гуд. – И все же – уступлю тебе, как никому никогда не уступал. Друг мой Стьютли, отрежь-ка нам кусок белой коры в четыре пальца шириной и поставь на расстоянии в восемьдесят ярдов вон на том дубе. А ты, незнакомец, попади в него стрелой с гусиным оперением и тогда зовись стрелком.

– С превеликим удовольствием! – ответил тот. – Дайте мне добрый крепкий лук и хорошую стрелу, и, если я не попаду в цель, раздевайте меня и стегайте тетивой до синяков.

Выбрал он самый большой и крепкий лук, почти такой, как у Робина, и прямую гладкую стрелу с хорошим оперением и ступил к отметке. Все, лежа или сидя на траве, смотрели, как он станет стрелять. Незнакомец натянул тетиву и выпустил стрелу, направив ее прямо в центр мишени.

– Ага! – вскричал он. – Попробуй-ка выстрелить метче моего!

Йомены не удержались и захлопали в ладоши – выстрел и впрямь удался на славу.

– Попал ты и правда точно, – произнес Робин Гуд. – Метче выстрела у меня не выйдет, а вот попортить твою стрелу, может, и получится.

Взял он свой добрый крепкий лук и, как следует прицелившись, выпустил стрелу. Ровно полетела она, да так точно, что ударила прямехонько в стрелу незнакомца и расколола ее на части. Все йомены повскакивали со своих мест и закричали от радости.

– Клянусь тисовым луком святого Витольда, – воскликнул незнакомец, – вот выстрел так выстрел! За всю свою жизнь я не видел ничего подобного! С этой минуты и навсегда я стану твоим товарищем. Хорошим стрелком был Адам Белл⁶, но так не стрелял никогда!

– Значит, сегодня у меня появился достойный соратник! – ответил ему Робин. – Как же зовут тебя, парень?

– С рождения зовут меня Джоном Литтлом, – сказал незнакомец.

Тут голос подал Уилл Стьютли, большой любитель пошутить:

– Нет, приятель, не нравится мне твое имя, лучше бы поменять в нем слова местами. Невелик ты ростом, неширок в кости, силой не похвастаешься, потому окрестим тебя Малышом Джоном, и я стану твоим крестным.

Робин Гуд с товарищами стали громко смеяться, и новичок рассердился.

– Будешь надо мной шутки шутить, – сказал он Уиллу Стьютли, – живо кости заболят, и станет не до смеха.

– Мой добрый друг, не сердись, – проговорил Робин Гуд. – Имечко-то – как раз по тебе. Отныне я стану звать тебя Малышом Джоном, да будет так. Ну, ребята, приступим к обряду крещения этого дитяти.

Все снова устремились в лес и шли, пока не добрались до того места, где обитали. Там, в чаще, стояли хижины из коры и ветвей, лежанки из тростника были накрыты оленьими шкурами. Огромный дуб широко раскинул там свои ветви, под ним, на сиденье из зеленого мха во время пиршеств и празднеств обыкновенно сидел Робин Гуд в окружении своих добрых молодцев. Здесь их ждали остальные товарищи, принесшие с охоты пару жирных оленей. Йомены разожгли большие костры, зажарили мясо и открыли бочку крепкого эля. Когда приготовления к пиршеству были закончены, все сели, и Робин посадил Малыша Джона по правую руку от себя.

Когда с трапезой было покончено, Уилл Стьютли сказал:

– Не пора ли нам теперь окрестить наше милое дитяtko, а, ребятки?

– Самое время! – весело закричали все, и гулкое эхо прокатилось по лесной чаще.

– Тогда нам нужны семеро восприемников, – провозгласил Стьютли и, оглядев товарищей, выбрал семерых самых крепких парней.

– Клянусь святым Дунстаном, – взревел Малыш Джон, вскакивая на ноги, – если хоть пальцем меня коснется – многие из вас о том пожалеют!

Однако те, ни слова не говоря, ринулись на него, схватили за руки – за ноги и, как он ни пытался вырваться, потащили вперед. Остальные стояли ожидали потехи. Парень с лысой

⁶ Адам Белл, Клим из Ущелья и Уильям Клодислийский – три знаменитых лучника, чье искусство воспевается во многих старинных балладах. – *Примеч. авт.*

макушкой, выбранный на роль священника, выступил вперед. В руке он держал полную до краев кружку эля.

– Кто принес крестить младенца? – спросил он важным тоном.

– Я, – ответил Уилл Стьютли.

– Каким именем нарекаешь его?

– Нарекаю его Малышом Джоном.

– Малыш Джон, – молвил «священник», – до сего дня ты не жил, а прозябал в этом мире, но отныне будешь ты жить воистину. Пока не жил ты, звали тебя Джоном Литтлом, но теперь, когда живешь ты воистину, имя твое Малыш Джон, так и крещу тебя.

При этих словах он вылил кружку эля на голову Малыша Джона.

Все разразились смехом, глядя, как коричневый эль стекает по бороде Малыша и капает с его носа и подбородка и как он моргает оттого, что защипало глаза. Поначалу хотел он разозлиться, но не смог, видя, как веселятся другие. И он засмеялся вместе со всеми. А потом Робин повел «прелестного младенца» за собой, одел с ног до головы в зеленое сукно и вручил ему большой крепкий лук, приняв его тем самым в ряды своих товарищей.

Теперь вы знаете, как Робин Гуд оказался лесным изгнанником, как вокруг него собрались его добрые товарищи и как обрел он своего друга и правую руку, Малыша Джона. Пришла пора закончить пролог и перейти к истории о том, как шериф ноттингемский трижды пытался захватить Робина Гуда и как трижды ему это не удалось.

Робин Гуд и жестянщик

Вы, конечно, помните, что за голову Робина Гуда назначили награду в двести фунтов и о том, что шериф ноттингемский поклялся самолично поймать наглеца. Однако шериф еще не знал, какой отряд имеется у Робина в Шервудском лесу, и думал, что может арестовать его, как любого другого, преступившего закон. Потому он назначил награду в восемьдесят золотых тому, кто приведет Робина на суд. Но жители Ноттингема знали о Робине Гуде и его делах больше, чем было ведомо шерифу. Многие из них смеялись при одной мысли о том, как станут предъявлять отважному Робину приказ шерифа, ясно и дураку – такая работа, кроме разбитой макушки, ничего не сулит. Прошло две недели, а желающих предложить шерифу свои услуги так и не нашлось.

– Хорошую награду назначил я любому, кто приведет мне Робина Гуда, так почему же никто не хочет взяться за это? – недоумевал шериф.

Один из приближенных, услышав эти слова, обратился к нему:

– Повелитель, тебе, как видно, неизвестно, какую силу имеет Робин Гуд и как мало ему дела до предписаний короля и шерифа. По правде говоря, никто не хочет браться за это дело, потому что всякий боится остаться с поломанными костями, а то и вовсе с разбитой головой.

– Значит, все ноттингемцы – жалкие трусы! – воскликнул шериф. – Хотел бы я глянуть на того, кто посмеет ослушаться приказа повелителя нашего, короля Гарри! Клянусь гробницей святого Эдмунда, я повешу его на высоте сорока локтей! Что ж, если никто в Ноттингеме не хочет получить восемьдесят золотых, я поищу в других местах, должны же быть в земле нашей храбрецы!

Он призвал к себе гонца, которому особенно доверял, и приказал седлать лошадь и готовиться ехать в город Линкольн, чтобы отыскать там того, кто примет предложение шерифа. В то же утро гонец отправился исполнять поручение.

Солнце ярко освещало пыльную дорогу, что вела из Ноттингема в Линкольн, белея по холмам и долам. Пыльна была дорога, и пылью набилось гонцово горло, так что душа его возрадовалась, когда примерно на полпути увидел он вывеску харчевни «Синий кабан». Харчевня показалась ему уютной, а тень дубов, окружавших ее, влекла к себе прохладой и покоем. Решив передохнуть, он сошел с лошади и заказал кружку эля, чтобы смочить пересохшую глотку.

Перед входом в харчевню он увидел нескольких веселых парней. То были бродячий жестянщик, два босоногих монаха и шестеро королевских лесничих, одетых в зеленое линкольнское сукно. Все они пили пенистый эль и пели песни про старые добрые времена. Перемешав пение шутками, громко смеялись лесничие, еще громче смеялись монахи – крепкие парни с бородами, кудрявящимися, как шерсть черных баранов, но громче всех смеялся жестянщик, и пел он звонче остальных. Сума его и молоток висели на ветви дуба, и к нему же прислонена была крепкая дубинка толщиной с запястье и с шишкой на конце.

– Давай-ка, – крикнул усталому гонцу один из лесничих, – иди сюда, выпей с нами. Эй, хозяин! Принеси всем нам еще по кружке эля!

Гонец рад был присесть вместе с остальными, он изрядно устал, да и пиво тут было отменное.

– Что за вести так спешно несешь ты? – спросил его один из лесничих. – И куда едешь?

Гонец был парнем говорливым, к тому же кружка эля развязала ему язык. Сев поудобней на скамью, он с удовольствием рассказал, какие вести везет. Хозяин харчевни слушал его, прислонившись к дверному косяку, его жена стояла рядом, сунув руки под фартук. Гонец поведал все с самого начала: о том, как Робин Гуд застрелил лесничего, как спрятался в лесу, дабы избежать правосудия и как живет он там, незаконно убивая оленей его величества и налагая дань на толстых аббатов, рыцарей, эсквайров, так что из страха перед ним никто не осмели-

вался ездить даже по Фосс-уэй и широкой Уотлинг-стрит. Рассказал о том, что шериф решил арестовать этого мошенника, которому и дела нет до приказов короля и шерифа. Потом поведал он о том, что в Ноттингеме не сыскался ни один человек, готовый вручить Робину Гуду шерифов приказ, уж больно все боятся остаться с переломанными костями, а то и с разбитой головой, и о том, что сейчас он, гонец, держит путь в Линкольн – поискать храбрецов среди тамошних жителей.

– А я вот – житель Банбери, – сказал веселый жестянщик, – и никто ни в Ноттингеме, ни в Шервуде, если уж надо на него равняться, не умеет управляться с дубинкой так, как я. Эй, парни, разве не сражался я с безумным Саймоном из Или, на знаменитой ярмарке в Хартфорде? Разве не победил его там на глазах у сэра Роберта Леслийского и его супруги? Этот Робин Гуд, о котором я прежде никогда не слышал, наверняка буян еще тот, но, хоть и силен он, разве я не сильнее? Хоть и ловок он, разве я не ловчее? Клянусь прекрасными глазами Нэнси с мельницы и своим собственным именем, а зовут меня Уот Яблонева Дубинка, и сыном своей родной матери, то есть мною самим: я, Уот Яблонева Дубинка, сойду с этим мошенником и, если не захочет он глядеть на печать повелителя нашего, короля Гарри, и на приказ славного шерифа ноттингемского, я его так отделаю, что больше никогда ни пошевелит он ни рукой ни ногой! Слышите вы мои слова, братцы?

– Да ты как раз тот, кто мне нужен! – воскликнул гонец. – Отправляйся-ка со мной в Ноттингем!

– Нет, – ответил жестянщик, качая головой. – Не пойду я ни с кем никуда, кроме как по своей воле.

– Что ты, что ты, – спохватился гонец, – нет такого человека в Ноттингемшире, кто заставил бы тебя идти против твоей воли, храбрец!

– Еще бы я не был храбр! – ответил жестянщик.

– Да, ты смелый парень, – поддакнул гонец. – А наш шериф пообещал восемьдесят золотых тому, кто арестует Робина Гуда, пусть даже проку от этого будет немного.

– Тогда я пойду с тобой, парень. Но погоди, я возьму свою суму и молоток, да дубинку. Только попадись мне этот Робин Гуд – поглядим тогда, как он посмеет пренебречь королевским указом!

Расплатившись с трактирщиком, гонец и жестянщик отправились обратно в Ноттингем: гонец сел на лошадь, а жестянщик зашагал рядом.

Как-то солнечным утром вскоре после этих событий Робин Гуд тоже отправился в Ноттингем – поглядеть, что в городе творится. Весело ступал он по обочине дороги, в траве пестрели маргаритки. Он глядел по сторонам, и мысли его витали далеко-далеко. Горн висел у него на боку, а лук и стрелы за спиной, он шел и крутил между пальцев крепкую дубовую палку.

Вскоре Робин увидал впереди жестянщика – напевая веселую песенку, тот шагал ему навстречу. За спиной у него висела сумка и молоток, а в руке была прочная палка из яблони в шесть футов длиной. Пел он вот что:

Порой, когда в лесу олень
Затравленный ревет,
И пастушок своим рожком
В кружок овец зовет...

– Привет тебе, друг добрый! – крикнул ему Робин.

– «Пошел я набрать земляники в лесу...»

– Привет тебе! – снова прокричал Робин.

– «Что в полной стоял красе...»

– Эй, ты не глух ли, парень? Друг добрый, говорю я тебе!

– А ты кто такой, что осмеливаешься прервать мою чудную песенку? – спросил жестянщик, прекращая петь. – Привет и тебе, друг ты добрый или нет. Но вот что скажу я тебе, храбрый малый: если ты добрый друг – это хорошо для нас обоих, а если нет – плохо для тебя.

– Откуда ты, славный парень? – поинтересовался Робин.

– Из Банбери, – ответил жестянщик.

– Беда, – сокрушенно молвил Робин. – Дошли до меня дурные вести оттуда сегодня утром.

– Не может быть! Прошу, расскажи скорее! – в нетерпении воскликнул жестянщик. – Ты видишь, я – бродячий ремесленник, и потому жаден до новостей, как священник до монет!

– Что ж, – сказал Робин, – слушай, я расскажу, но держись молодцом, потому как вести дурные, поверь мне. Слышал я, что сегодня посадили в колодки двух жестянщиков за то, что пили они эль и пиво.

– Да падет чума на тебя и твои вести, подлая собака! – воскликнул жестянщик. – Худое говоришь ты о добрых людях. Но коли два парня попали в колодки – твоя правда, дела и впрямь невеселые.

– Нет, – отвечал Робин, – тут ты не прав. Оплакивай теперь свой промах. Весть эта печальна потому, что только двое в колодках, а остальные как бродили по стране, так и бродят.

– Клянусь оловянной миской святого Дунстана! – вскричал жестянщик. – Я не прочь намять тебе бока за твою злую шутку! Если кого и надо сажать в колодки за пьянство, так первым – тебя!

Громко рассмеялся Робин и сказал:

– Достойный ответ, жестянщик, достойный! Острословие твое как пиво: пенится, когда киснет! Но ты не ошибся, парень, я и впрямь люблю пиво и эль. Потому пойдем-ка со мной вместе в харчевню «Синий кабан», что здесь неподалеку, и, если ты пьешь так, как говорит мне твоя наружность, – а я думаю, она меня не обманывает, – я угощу тебя таким добрым пивом, какого не сыщешь на просторах Ноттингемшира.

– Богом клянусь, – ответил жестянщик, – хороший ты парень, хоть и подлые у тебя шутки. Нравишься ты мне, друг дорогой, и можешь звать меня язычником, коли не пойду я с тобой в «Синего кабана»!

Они пустились в путь вместе, и Робин вновь обратился к жестянщику:

– Поведай мне, какие новости ты слышал, добрый друг. Ведь у бродячих ремесленников, как мне известно, новостей всегда хоть отбавляй.

– Люблю тебя как брата, славный ты малый, – сказал жестянщик, – а иначе не рассказал бы тебе своих новостей, потому что хитер я, парень, и взял на себя важное дело, на которое употребить должен весь свой ум: надо мне отыскать лихого преступника, которого зовут в этих краях Робин Гудом. За пазухой у меня лежит приказ, написанный на пергаменте, с большой красной печатью – все чин чином. Встреться мне этот самый Робин Гуд – предъявлю его красавчику, и если решит он послушаться, стану дубасить его, пока каждое ребро у него не крикнет «аминь!». А ведь ты живешь в этой местности, может, и сам знаком с Робин Гудом?

– Твоя правда, немного знаком, – промолвил Робин. – И даже видел его сегодня утром. Но, жестянщик, люди говорят, что он ловкий вор. Следи получше за своей бумагой, парень, а то как бы не украл он ее у тебя прямо из-за пазухи.

– Пусть только попробует! – воскликнул жестянщик. – Может, и ловок он, но и я не прост. Э-эх, вот бы встретиться мне сейчас с ним, лицом к лицу! – И он снова закрутил в воздухе дубинкой. – А что за человек он, а, парень?

– Да на меня очень похож, – со смехом ответил Робин. – И рост, и сложение, и возраст – все почти как у меня. Даже глаза тоже голубые.

– Быть не может, – поразился жестянщик. – Да ты зеленый юнец. Я думал, он взрослый и бородатый. В Ноттингеме все очень его боятся.

– И правда, он моложе тебя и не такой дородный, – согласился Робин. – Но, говорят, дубинкой он орудует лучше некуда.

– Может, оно и так, – упрямо сказал жестянщик, – но только я его искусней. Разве не я побил Саймона из Или в схватке на ярмарке в Хартфорде? Однако, раз ты знаком с Робинот Гудом, приятель, не отведешь ли меня к нему? Восемьдесят золотых пообещал мне шериф, если я арестую этого подлеца. Десять из них я отдам тебе, если ты мне поможешь.

– Отчего ж не помочь? – ответил Робин. – Но покажи-ка мне этот приказ, парень, посмотрим, правду ли ты говоришь.

– Ни за что не покажу, даже брату родному, – отказался жестянщик. – Ни одна душа не увидит того приказа, пока не предъявлю его твоему приятелю.

– Что ж, пусть так, – не стал настаивать Робин. – Раз мне ты его не покажешь, уж не знаю, кому и покажешь. Вон вывеска «Синего кабана», давай зайдем и попробуем здешний темный октябрьский эль.

Не было в Ноттингемшире харчевни лучше «Синего кабана». Ни одну другую не окружали такие чудные, раскидистые деревья, ни одна другая не была так густо увита жимолостью и ломоносом, нигде не было такого отличного пива и крепкого эля, а зимой, когда завывал северный ветер и снегом заносило кусты, нигде не полыхал такой жаркий огонь, как в очаге «Синего кабана». В такое время здесь всегда можно было увидеть у очага компанию йоменов или поселян: они перебрасывались веселыми шутками, а в чанах с элем покачивались жареные кислые яблочки. Робину Гуду и его товарищам эта харчевня была хорошо знакома, нередко он и его добрые друзья Малыш Джон, Уилл Стьютли и Дэвид Донкастерский собирались здесь, когда лес заваливало снегом. Что до хозяина харчевни, то он умел держать язык за зубами и не болтать лишнего, потому как прекрасно знал, с какой стороны хлеб намазан маслом: Робин и его друзья были завсегдатаями его заведения и лучше посетителей у него не бывало. Они всегда платили по счету сразу, их долг не было нужды записывать мелом на стене за дверью. Поэтому когда Робин Гуд с жестянщиком вошли и потребовали две большие кружки эля, по лицу и речи харчевника никто не догадался бы, что он уже видал Робина Гуда.

– Подожди здесь, – попросил жестянщика Робин, – а я пойду гляну, чтобы хозяин налил нам эля из нужной бочки, – есть у него, я знаю, хороший октябрьский эль, сваренный Витольдом Тамвортским.

С этими словами он вошел внутрь и шепотом попросил харчевника добавить к доброму английскому элю крепкого фламандского вина. Харчевник так и сделал.

– Клянусь Девой Марией, – произнес жестянщик, сделав добрый глоток эля, – этот Витольд Тамвортский – хорошее, кстати, саксонское имя, скажу я тебе, – варит такой крепкий эль, какого сроду не касались губы Уота Яблоневого Дубинки.

– Пей, приятель, пей, – воскликнул Робин, сам лишь слегка смочив губы элем. – Эй, хозяин! Принеси-ка моему другу еще одну кружку. А теперь споем, друг мой дорогой!

– Конечно, любезный приятель, – согласился жестянщик, – я спою тебе песню, ведь такого эля я не пробовал за всю свою жизнь! Клянусь Девой Марией, да у меня уже в голове гудит! Эй, хозяйка, иди послушай мою песню, и ты, милая девушка, иди сюда! Лучше всего я пою, когда глядят на меня красивые глаза.

И он запел старинную балладу о короле Артуре под названием «Женитьба сэра Гевина», которую ты, мой читатель, быть может, прочтешь когда-нибудь, – на славном английском прежних времен. Он пел, и все слушали повесть о благородном рыцаре и жертве, которую он принес королю. Однако задолго до того, как допел жестянщик последний куплет, язык его стал заплетаться и голова закружилась от крепкого напитка, подмешанного к элю. Сначала он стал запинаться, затем неразборчиво произносить слова, после голова бедолаги стала болтаться из стороны в сторону, и наконец он уснул мертвецким сном.

Робин Гуд рассмеялся и проворно достал у жестянщика из-за пазухи бумагу.

– Ловок ты, жестянщик, – проговорил он, – но не так ловок, как ловкий вор Робин Гуд. Потом позвал он харчевника и сказал ему:

– Вот тебе, добрый человек, ровно десять шиллингов за угощение, которое ты устроил нам сегодня. Позаботься как следует о нашем дорогом госте, а когда он проснется, можешь и с него попросить десять шиллингов. Если у него их не окажется, забирай его суму и молоток, и даже куртку, в качестве платы. Так я наказываю тех, кто приходит к нам в лес со злыми умыслами. Что до тебя, то не знал я еще харчевника, который, если есть возможность, не возьмет двойную плату.

При этих словах хозяин хитро улыбнулся, – не иначе, припомнил крестьянскую поговорку: «Учи сороку воровать яйца».

Жестянщик проспал до самого вечера, пока не вытянулись тени деревьев на лесной опушке. Проснувшись, глянул он вверх, вниз, на запад, на восток, собираясь с мыслями, что разлетелись, как солома по ветру. Сначала вспомнил он о своем веселом сотрапезнике, но того нигде не было видно. Потом вспомнил о своей крепкой дубинке. Ее он держал в руке. Затем вспомнил про пергамент с приказом и про восемьдесят золотых, которые должен был получить за арест Робина Гуда. Сунул он руку за пазуху, но там не оказалось ничего – ни клочка бумаги, ни мелкой монеты. В ярости вскочил он на ноги.

– Эй, хозяин! – завопил он. – Ушел ли уже тот плут, что только недавно был тут со мной?

– Что за плута имеет в виду ваша милость? – спросил хозяин, обращаясь к жестянщику со всей учтивостью, на которую был способен. – Не видал я рядом с вашей милостью никакого плута, потому что никто не осмелится назвать так этого человека, находясь столь близко от Шервудского леса. Был с вами здесь отважный йомен, но, я думал, ваша милость знает его, потому как мало здесь найдется таких, кто не был бы с ним знаком.

– Да откуда мне, который никогда не хрюкал в твоём хлеву, знать всех тутошних свиней?!

– Да ну? А ведь это тот самый парень, которого все здесь зовут Робин Гудом, и он...

– Что?! Матерь Божья! – словно разъяренный бык, взревел жестянщик. – Ты! Ты видел, как я вхожу в твою харчевню, – я, законопослушный, честный ремесленник! – и не сказал мне, кто рядом со мною, хотя прекрасно знал его?! Да у меня руки чешутся проломить тебе башку!

Он уже готов был ударить харчевника своей дубинкой, но тот закричал, прикрываясь рукой от удара:

– погоди! Как мог я догадаться, что ты знать не знаешь, кто он такой?

– Повезло тебе, – промолвил жестянщик, переводя дух, – что я человек великодушный. Пощажу твою лысую голову, иначе не обманывать бы тебе больше твоих гостей. А что до этого подлеца Робина Гуда, я немедленно пойду его искать, и, если не начищу негодяю рожу, можешь звать меня бабой и дубинку мою пустить на щепки.

С этими словами он собрался уходить.

– погоди, – харчевник преградил ему путь, широко разведя руки, как крестьянин, гонимый к дому гусей. Жажда наживы придала ему отваги. – Никуда ты не пойдешь, покуда не заплатишь.

– Разве он не заплатил тебе?

– Ни гроша. А ведь вы выпили у меня эля на десять шиллингов. Нет, говорю я тебе, не уйдешь, пока не заплатишь, а иначе я обо всем доложу шерифу.

– Нечем мне заплатить тебе, друг добрый, – развел руками жестянщик.

– Не друг я тебе, – ответил ему харчевник. – И совсем не добрый, когда теряю десять шиллингов! Плати мне, что должен, звонкой монетой, или же оставляй тут куртку, суму и молоток. Хотя, думаю, они десяти шиллингов не стоят, так что мне все равно убыток. А если попробуешь сбежать, так у меня в доме огромная собака, и я ее на тебя спущу. Мэйкен, отвори дверь и выпусти Брайана, если этот парень хоть шаг сделает.

– Ладно, – согласился жестянщик, – странствуя из края в край, он хорошо узнал, каковы бывают собаки. – Бери что хочешь, и отпусти меня с миром, чума тебя возьми. Но вот что, харчевник! Если только попадется мне этот подлый негодяй, клянусь, он с избытком заплатит за то, что выпил!

С этими словами жестянщик двинулся прочь в направлении леса, бормоча что-то себе под нос, а хозяин «Синего кабана», его жена и Мэйкен глядели ему вслед. Когда он отошел достаточно далеко, они разразились смехом.

– Хорошо мы с Робинем разгрузили этого осла, – довольно потер руки харчевник.

Так случилось, что в это самое время Робин шел через лес к Фосс-уэй, поглядеть, что там творится. Стояла полная луна, и ночь обещала быть светлой. В руке Робин держал крепкую дубовую палку, а на боку у него висел горн. Посвистывая, шел он по тропинке, а по другой тропинке шел жестянщик, бормоча себе что-то под нос и, как рассерженный бык, поводя головой из стороны в сторону. На крутом повороте столкнулись они лицом к лицу. Сначала оба застыли, а затем Робин произнес с веселым смехом:

– Здравствуй, птичка моя, как понравился тебе эль? Не споешь ли мне еще песенок?

Жестянщик мрачно уставился на Робина.

– Что ж, – наконец произнес он, – я очень рад, что встретил тебя, и, если сегодня не перетрясу я все кости внутри твоей шкуры, можешь наступить мне на горло.

– Счастлив это слышать! – радостно воскликнул Робин. – Перетряси мне кости, если сможешь.

С этими словами он схватил палку и приготовился обороняться. Жестянщик поплевал на руки и, взявшись покрепче за свою дубинку, пошел на Робина. Сделав два-три удара, он обнаружил, что встретил достойного соперника: Робин отразил их все и, не успев жестянщик и глазом моргнуть, крепко хватил его по ребрам в ответ. Услышав громкий смех Робина, жестянщик разозлился пуще прежнего и пошел махать дубиной снова, что было сил. Робин один за другим отразил два могучих удара, однако после третьего палка его сломалась.

– Будь ты проклята, подлая палка, – вскричал Робин, отбрасывая ее прочь, – не послужила ты мне верой и правдой в трудный час.

– Сдавайся! – приказал жестянщик. – Теперь ты мой пленник, и, если не сдашься, я из башки твоей кашу сделаю.

Ничего не ответил Робин Гуд на эти слова, а приставил к губам горн и дунул трижды, издав громкие пронзительные звуки.

– Можешь дудеть сколько хочешь, – проговорил жестянщик, – только идти тебе теперь со мной в Ноттингем – шериф будет рад тебя повидать. Ну что, сдаешься или мне проломить тебе головушку?

– Раз должен я испытать кислого эля – ничего не поделаешь, – отозвался Робин. – Никогда еще я никому не сдавался, к тому же не получив ни раны, ни синяка. Но, если поразмыслить, лучше мне тебе покориться. Эй, товарищи мои добрые! Скорее сюда!

Тут из леса выскочил Малыш Джон, а с ним – шестеро дюжих йоменов, одетых в зеленое сукно.

– Что за беда стряслась с тобою, наш предводитель? – воскликнул Малыш Джон.

– Видите этого жестянщика? – спросил Робин. – Он хочет отвести меня в Ноттингем, чтобы меня повесили.

– Тогда его самого надо повесить! – вскричал Малыш Джон и вместе с остальными йоменами пошел на жестянщика, намереваясь схватить его.

– Нет, не трогайте его, – остановил их Робин. – Это храбрый парень. Он стальных дел мастер, и характер у него как сталь. К тому же он чудно поет баллады. Скажи-ка, парень, не хочешь ли вступить в ряды добрых моих товарищей? Каждый год я буду давать тебе по три платья зеленого сукна да по сорок марок в придачу, станешь весело жить вместе с нами в лесу;

а живем мы беззаботно и горя не знаем в чащобе Шервуда. Охотимся на оленей и едим их мясо да сладкие овсяные лепешки, творог и мед. Пойдешь с нами?

– По рукам! Я пойду с вами! – сказал в ответ жестянщик. – Люблю весело пожить, и ты мне по нраву, хоть и отбил мне ребра да обманул в придачу. Но я готов признать, что ты сильнее и хитрее меня, потому буду подчиняться тебе и стану верным помощником.

Все вместе повернули они обратно в лес, где с тех пор и стал жить жестянщик. Много дней пел он товарищам баллады, до тех самых пор, пока не пришел к ним знаменитый Алан из Долины, обладавший голосом, в сравнении с которым прочие казались вороньим карканьем. Но о нем речь пойдет позже.

Состязание стрелков в Ноттингеме

Шериф впал в страшную ярость оттого, что так и не смог поймать ловкого Робина. До его ушей дошло, – дурные вести всегда доходят, – что народ потешается над тем, что он и впрямь думал наложить арест на такого отчаянного парня. А ведь нет ничего неприятнее, чем когда за твоей спиной над тобой насмеваются.

– Наш милостивый господин и повелитель король Гарри должен узнать о том, как попирается его закон и как презирает его власть банда преступников. А что до предателя жестянщика, то, когда я его поймаю, повешу на самой высокой виселице в Ноттингемшире, – сказал шериф и приказал своим слугам и вассалам собираться в Лондон, на встречу с королем.

В замке Шерифа началась суматоха, все забегали туда-сюда, в кузницах Ноттингема до поздней ночи мерцали огни, потому что все кузнецы в городе ковали и чинили оружие для шерифовой охраны. Два дня шли приготовления, и лишь на третий все было готово к отъезду. Ясным утром отправились они из Ноттингема на Фосс-уэй, а оттуда на Уотлинг-стрит. Ехали они два дня, и вот впереди показались шпили и башни Лондона. Толпы зевак глазели на движущуюся по дороге процессию, сверкающую оружием, щеголяющую яркими перьями и парадными одеждами.

В это время король Генрих и королева Элеонора давали прием, на который собрались дамы в шелках, атласе, бархате и золотой парче, доблестные рыцари и нарядные придворные.

Туда и прибыл шериф, и его подвели к королю.

– Дозвольте обратиться с просьбой, – молвил шериф, опускаясь на колено перед государем.

– Что у тебя за дело? – спросил король.

– О добрый господин мой и повелитель! – произнес шериф. – В Шервудском лесу, в добром нашем графстве Ноттингемшир, поселился наглый преступник по имени Робин Гуд.

– И в самом деле, – ответил король. – Слухи о его делах достигли даже наших королевских ушей. Это дерзкий и наглый плут, хотя, должен признать, притом он славная душа.

– Но послушайте, о милостивый повелитель мой, – снова заговорил шериф. – Я направил к нему человека, честного дюжего парня, с бумагой на его арест, с вашей королевской печатью, но он избил посланника и выкрал бумагу. Он убивает ваших оленей и грабит ваших подданных даже на больших дорогах.

– Вот как? – в гневе воскликнул король. – И чего же ты от меня хочешь? Приехал сюда с большим отрядом воинов и слуг, а жалкую шайку мошенников в собственном графстве захватить не можешь, хотя у них даже нет кольчуг на груди! Разве ты не шериф мой? Разве не действуют в Ноттингемшире мои законы? Разве не можешь ты сам справиться с теми, кто нарушает закон и вредит тебе и твоему графству? Ступай прочь отсюда да хорошенько поразмысли. Сам придумай, как поймать преступника, а меня больше не тревожь. И постарайся как следует, шериф, ибо я хочу, чтобы законам моим подчинялись все подданные, а если ты не способен этого добиться, то ты более не шериф. Разберись с этим делом сам, говорю я тебе, или несдобровать тебе вместе с этими подлыми ворами в Ноттингемшире. Наводнение сметает не только мякину, но и зерно.

С тяжелым сердцем ушел шериф прочь, горько сожалея о том, что показал королю свою свиту. Весь обратный путь шериф был задумчив и озабочен. Ни словом не обмолвился он ни с кем, и никто из его присных не посмел заговорить с ним. Все мысли шерифа были о том, как захватить Робина Гуда.

– Ха-ха! – неожиданно воскликнул он, хлопнув себя рукой по бедру. – Ну конечно! Скачите во весь опор, добрые мои товарищи, надо как можно скорее прибыть в Ноттингем. И

запомните мои слова: еще до полуночи этот плут Робин Гуд будет упрятан в ноттингемскую тюрьму.

Что же придумал шериф?

Как ростовщик по одной вытаскивает из мешка серебряные монеты, проверяя, не фальшивы ли они, так и шериф перебирал одну за другой разные идеи, словно бы ощупывая каждую, и во всякой находил изъян. Наконец вспомнил он о том, что нрав у Робина Гуда отчаянный и потому он нередко осмеливается приходить даже в пределы Ноттингема.

«Если бы удалось мне заманить Робина поближе к Ноттингему, где проще будет его найти, – размышлял шериф, – то, ручаюсь, я схватил бы его так крепко, что никогда бы он уже не вырвался».

И тут его осенило: если он объявит большое состязание лучников и назначит хорошую награду, то Робин Гуд не устоит против соблазна и придет на стрельбище. Именно эта мысль и заставила его воскликнуть: «Ха-ха!»

Благополучно вернувшись в Ноттингем, шериф немедленно отправил гонцов на север и на юг, на запад и на восток, чтобы объявить по городам и весям о большом состязании лучников, куда приглашался всякий умеющий натянуть тетиву большого лука. Наградой объявлена была стрела из чистого чеканного золота.

Весть о состязании дошла до Робина, когда тот был в Линкольне, и он сразу поспешил в Шервудский лес. Там Робин созвал своих товарищей и обратился к ним с такими словами:

– Слушайте, добрые мои друзья, какие вести принес я вам сегодня из Линкольна. Наш приятель, шериф ноттингемский, объявил, что устраивает состязание для стрелков, и разослал по всей стране гонцов, а наградой назначил золотую стрелу. Хотелось бы мне, чтобы один из нас выиграл этот приз: и оттого, что награда хороша, и оттого, что предлагает ее наш милый дружок шериф. Возьмем же луки наши и стрелы и пойдем на состязание, потому как знаю наверняка, что веселая это будет забава. Что скажете, молодцы?

Первым заговорил юный Дэвид Донкастерский:

– Прошу, выслушай, что я скажу тебе, предводитель. Я только что был у нашего друга Идома в «Синем кабане» и там слышал кое-что про это состязание. От Ральфа Шрама, человека шерифа, Идом узнал, что подлый шериф уготовил тебе ловушку и более всего желает увидеть тебя среди стрелков. Не ходи туда, предводитель, я доподлинно знаю, что шериф хочет заманить тебя в капкан! Оставайся лучше в лесу, чтобы не постигло нас всех большое несчастье.

– Да, – молвил Робин, – ты умный парень и знаешь, когда наострить уши, а рот держать на замке, ты быстро постигаешь премудрости лесной жизни. Но можем ли мы допустить, чтобы люди сказали, будто шериф ноттингемский испугал Робина Гуда и полторы сотни лучших в Англии стрелков из лука? Нет, друг мой Дэвид, твои слова заставляют меня только больше жаждать этой награды. Как там говорит наш славный болтун Суонтолд? «Вспыльчивый сожжет себе рот, а дурак, что глаз не раскрывает, упадет в яму». Смысл этих слов в том, что на хитрость надо отвечать хитростью. Пусть часть из вас оденутся монахами, часть крестьянами, часть бродячими ремесленниками и нищими, но пусть у каждого на случай нужды будут добрый лук и меч. Что до меня, то я стану сражаться за золотую стрелу, и, если добуду ее, мы повесим ее на ветвях нашего раскидистого дуба себе на радость. Как нравится вам моя затея, славные друзья?

– Добро! Добро! – с жаром вскричали все его товарищи.

Прекрасное зрелище являл собою Ноттингем в день состязания. Вдоль зеленого луга у городской стены одна над другой стояли рядами скамьи – для рыцарей и дам, для эсквайров и их супругов, для богатых купцов с женами. Только людям высокого звания дозволено было сидеть на этих местах. В дальнем конце арены стояли кресла, украшенные лентами и гирляндами цветов, – для шерифа ноттингемского и его супруги. Арена была шириною в сорок шагов. С одной стороны ее стояла мишень, с другой – шатер из полосатой ткани, над которым раз-

вевались разноцветные флаги и вымпелы. Внутри стояли бочки с элем, из которых мог пить всякий стрелок, желающий утолить жажду.

На другой стороне арены, напротив скамей для избранных, стояло ограждение, чтобы те, кто победнее, не толпились вблизи мишени. Хотя было еще рано, зрители из знати уже стали занимать места. Одни приезжали в экипажах, другие верхом, их лошади весело переступали под звонкое дребезжание серебряных колокольчиков на уздечках. Собирались и простолюдины, они садились или ложились на траву у перил, огораживающих арену. К шатру по двое, по трое подтягивались стрелки: кто-то громко рассказывал о лучших выстрелах, которые доводилось ему сделать, кто-то внимательно осматривал свой лук, натягивая тетиву, дабы проверить, что она нигде не протерлась, или оглядывал стрелы, чтобы убедиться, что все они ровны, без изъяна, – ведь лук и стрелы не должны подвести, когда на кону такой приз. Никогда еще не собиралось вместе столько бравых йоменов, как в тот день в Ноттингеме, – на состязание приехали лучшие стрелки со всей Англии. Был среди них Гилл Красная Шапка, главный лучник самого шерифа, Диккон Крукшанк из Линкольна, Адам из Лощины – стрелок из Тамворта, возрастом уже за шестьдесят, но все еще сильный и крепкий, в свое время он участвовал в знаменитом состязании в Вудстоке, где победил прославленного стрелка Клима из Ущелья. Было там и еще много знаменитых лучников, чьи имена дошли до нас в балладах давних времен.

И вот, когда все скамьи заполнены были зрителями, лордами и леди, купцами и дамами, прибыл шериф с супругой. Облик его был величав, он восседал на молочно-белой лошади, а его жена – на гнедой. На голове у шерифа красовалась шапка из пурпурового бархата, из той же ткани была его мантия, отороченная роскошным горностаем, куртка и чулки – из синезеленого шелка, а туфли – из черного бархата, от острых носков их к подвязкам тянулись золотые цепи. Еще одна золотая цепь висела у него на шее, а на воротнике сверкал красный драгоценный камень в золотой оправе. Супруга его была одета в синее бархатное платье, отороченное лебединым пухом. Величественное зрелище являли они собой, едучи бок о бок на конях. Народ встретил их криками. Шериф с супругой проследовали к своим местам, где ожидали их воины в кольчугах и с копьями.

Шериф приказал герольду трубить в серебряный рог. Тот дал три сигнала, радостным эхом отразившиеся от серых стен Ноттингема. После этого стрелки заняли свои места – под громкие крики зрителей, выкликающих имена любимых своих йоменов. «Красная Шапка!» – кричали одни. «Крукшанк!» – кричали другие. «Эй! Уильям из Лесли!» – вопили третьи. Дамы же, подбадривая участников, размахивали шелковыми шарфами.

Геральд выступил вперед и громко объявил правила состязаний:

– Стрелять должно вон от той отметки, находится она в ста сорока ярдах от цели. Сначала каждый выпустит по одной стреле, и из всех стрелявших выбраны будут десятеро, что сделали самые лучшие выстрелы, они станут стрелять еще раз. Каждый из десятерых выпустит по две стрелы, после чего выбраны будут трое лучших. Из этих троих каждый выстрелит еще по три раза, и тому, чьи выстрелы окажутся лучшими, достанется награда.

Тут шериф наклонился вперед, внимательно разглядывая ряды стрелков в надежде увидеть среди них Робина Гуда, но не увидел никого в одежде из зеленого сукна.

«Ничего, – сказал себе шериф, – может быть, я просто не вижу его в толпе. Останутся стрелять десятеро лучших – тогда и посмотрим, ибо я уверен, что он будет среди них, или я его плохо знаю».

И вот лучники стали по очереди стрелять. Никогда не видал народ такого искусства, какое показано было в тот день. Шесть стрел попали в белое, четыре в черное и только две оказались во внешнем круге. Когда последняя стрела попала в цель, весь народ громко закричал – столь превосходна была стрельба.

Из всех стрелявших было выбрано лишь десятеро, и среди них – шесть знаменитых во всей стране стрелков, их знало большинство зрителей: Гилберт Красная Шапка, Адам из

Лощины, Диккон Крукшанк, Уильям из Лесли, Губерт Туча и Свитин Хартфордский. Еще двое были из Йоркшира, девятый – никому не известный высокий парень, одетый в голубое, сказавшийся лондонцем. Последним, десятым, был неизвестный с повязкой на глазу, одетый в красные лохмотья.

– Эй, – обратился шериф к одному из своих охранников, – видишь ли ты среди этих десятерых Робина Гуда?

– Нет, ваша милость, не вижу, – ответил тот. – Шестеро из них мне хорошо известны. Что до двух йоркширцев, то один из них слишком высок, а другой слишком мал ростом. Борода у Робина светлая и блестит, как золото, а у того оборванного нищего в красном она темная, да к тому же он слеп на один глаз. А что до незнакомца в голубом наряде, то, сдается мне, у Робина плечи дюйма на три шире.

– Так значит, – воскликнул шериф, в злобе хлопнув себя по ноге, – этот мошенник не просто подлец, но к тому же и трус, раз побоялся показаться среди достойных мужей!

Отдохнув недолго, десятеро лучников снова выступили вперед и приготовились стрелять. Каждый выпустил по две стрелы, и, пока они стреляли, зрители затаили дыхание, и кругом воцарилось гробовое молчание. Но, лишь только последний лучник сделал свой выстрел, снова зазвучали громкие крики и в воздух полетели шапки.

– Клянусь милосердной Девой, – сказал сэр Эмиас из Лощины, согбенный восьмидесятилетний старец, сидевший рядом с шерифом, – в жизни не видел я такой славной стрельбы, а ведь за шестьдесят с лишком лет я повидал лучших мастеров этого искусства.

Теперь оставлены были лишь трое из стрелявших. Первым был Гилл Красная Шапка, вторым оборванный незнакомец в красном, а третьим тамвортец Адам из Лощины. Народ гудел, как пчелиный рой, кто-то вопил «вперед, Гилберт Красная Шапка!», кто-то «вперед, смелый Адам из Тамворта!», но ни один зритель в толпе не подбадривал чужака в красном.

– Ну, стреляй же, Гилберт, – дал команду шериф, – и если твой выстрел станет лучшим, дам тебе сто серебряных пенни в придачу к награде.

– Не пожалею сил, – твердо сказал Гилберт. – Тут всякий сделает что может, и я тоже постараюсь.

С этими словами он достал ладную гладкую стрелу с широким пером, приставил ее к тетиве, аккуратно натянул ее и сделал выстрел. Ровно полетела стрела и ударила прямехонько в цель, на ширину пальца от самого центра.

– Гилберт! Гилберт! – закричали зрители.

– Богом клянусь, выстрел метче некуда! – воскликнул шериф, всплеснув руками.

Затем вперед выступил оборванный незнакомец, и все засмеялись при виде желтой заплаты у него на рукаве, показавшейся, когда он поднял руку, чтобы сделать выстрел. Он прицелился одним глазом, и это вызвало новый взрыв хохота. Оборванец быстро натянул тетиву тисового лука и без промедления выпустил стрелу. Так скоро он это проделал, что никто и глазом моргнуть не успел, а стрела его оказалась ближе к центру мишени на две трети дюйма.

– Клянусь всеми святыми в раю! – вскричал шериф. – Вот выстрел так выстрел!

Последним стрелял Адам из Лощины – и стрела его вонзилась в мишень рядом со стрелой незнакомца. Затем все трое снова сделали по выстрелу, и снова все стрелы попали в цель, но на этот раз стрела Адама из Лощины оказалась дальше от центра, а выстрел незнакомца опять стал лучшим. Передохнув, выстрелили они по третьему разу. Теперь Гилберт очень тщательно прицеливался, долго оценивал расстояние, наконец выстрел был сделан. Прямехонько в цель полетела стрела, и все завопили так, что даже флаги встрепенулись на древках, а грачи и галки с криками взвились на крышу башни. Стрела ударила совсем рядом с точкой, отмечавшей центр мишени.

– Молодец, Гилберт! – радостно воскликнул шериф. – Думается мне, награда твоя, и выиграна она заслуженно. Ну-ка, оборванец, посмотрим, сможешь ли ты сделать выстрел лучше.

Ничего не сказал в ответ незнакомец. Все замолкли, – казалось, даже дышать перестали – в ожидании его выстрела. Незнакомец тоже стоял недвижно, держа в руке лук. Так простоял он мгновений пять, а потом натянул тетиву, замер еще на миг, и отпустил. Прямо в цель полетела стрела, да так точно, что сбила гусиное перо со стрелы Гилберта, и оно, закружившись в солнечном свете, упало на землю. Стрела незнакомца ударила в цель рядом со стрелой Красной Шапки – в самый-самый центр мишени. Никто не закричал, никто не произнес ни слова, все лишь изумленно переглядывались друг с другом.

Наконец, сделав глубокий вдох и покачав головой, заговорил Адам из Лощины:

– Более сорока лет держу я в руках лук, и не так уж плохо, но сегодня я более не стреляю, потому что нет на свете стрелка равного тебе, незнакомец, – кем бы ты ни был.

Он с шумом убрал стрелы в колчан и, не говоря больше ни слова, снял с лука тетиву.

Шериф спустился с возвышения, на котором сидел, и подошел к незнакомцу, стоявшему, опершись на свой лук. Вокруг толпился народ, желавший поближе поглядеть на невиданно меткого стрелка.

– Что ж, друг добрый, – обратился к нему шериф, – бери свою награду, выиграл ты ее в честном поединке. Как зовут тебя и откуда ты?

– Зовут меня Джок из Тивиотдейла, там я и живу, – ответил незнакомец.

– Ты, Джок – стрелок, каких не встречал я на своем веку, и, если согласишься поступить ко мне на службу, дам я тебе лучшую одежду, чем та, что сейчас тебя украшает. На столе твоём будет самая превосходная еда и питье, а на Рождество каждый год станешь получать по восемьдесят марок. Думаю, ты стреляешь лучше труса Робина Гуда, что не решился показаться здесь сегодня. Скажи, друг добрый, пойдешь ко мне на службу?

– Нет, не пойду, – резко ответил ему незнакомец. – Я сам себе хозяин, и никто в целой Англии не будет мне господином.

– Тогда убирайся отсюда, и да падет на тебя чума! – вскричал шериф дрожащим от ярости голосом. – Правду сказать, я не прочь дать приказ поколотить тебя за такую дерзость!

С этими словами он развернулся и ушел прочь.

В тот день вокруг раскидистого дерева в чаще Шервудского леса собралась очень пестрая компания. Больше двадцати босоногих монахов, бродячие ремесленники, дородные нищие, работники с ферм... На сиденье из мха восседал парень в оборванной одежде красного цвета, с повязкой на глазу. В руке он держал золотую стрелу – награду большого состязания стрелков. Под шум разговоров и смех снял он свои красные лохмотья и повязку с глаза, и оказалось, что одет он в зеленое сукно.

– Легко снять повязку и одежду, а вот ореховая краска со светлых волос так быстро не сойдет, – промолвил он.

Все засмеялись еще громче, и было от чего – стрелком, выигравшим приз и получившим его прямо из рук шерифа, был не кто иной, как Робин Гуд.

Начался веселый пир, во время которого все обсуждали, как здорово обвели шерифа вокруг пальца, и рассказывали, какие приключения выпали на долю каждого в его роли. Но когда пир закончился, Робин Гуд отвел в сторону Малыша Джона и сказал ему:

– Кровь у меня так и бурлит от досады, ведь шериф сказал мне: «Ты стреляешь лучше труса Робина Гуда, что не решился показаться здесь сегодня». Хотел бы я ему поведать, кто принял из его рук золотую стрелу, и доказать, что я не трус, каким он меня считает.

Малыш Джон ответил:

– Предводитель, возьми с собой меня да Уилла Стьютли, и мы пошлем толстопузому шерифу весточку, да с таким гонцом, какого он никак не ожидает увидеть.

Вечером того же дня шериф сидел за столом в большом зале своего дома в Ноттингеме. Здесь же за длинными столами сидели его охранники, слуги и вилланы⁷, – числом не менее восьмидесяти человек. За едой и элем все обсуждали сегодняшнее состязание. Шериф восседал на возвышении под балдахином, рядом сидела его супруга.

– Честное слово, – повторял он, – я был совершенно уверен, что подлец Робин Гуд явится сегодня. Не думал я, что он такой трус. Но кто же этот дерзкий нахал? И отчего я не приказал его поколотить? Однако что-то в нем наводит на мысль, что жизнь его – это не только лохмотья да отрепья...

Не успел он проговорить эти слова, как на стол с шумом упал какой-то предмет. Те, кто сидел неподалеку, вытянули шеи, пытаясь рассмотреть, что же это такое. Один из воинов набрался храбрости, взял упавшее и поднес шерифу. Тут все увидели, что это затупленная стрела с гусиным оперением, а к наконечнику ее прикреплен маленький свиток, не толще гусиного пера. Шериф развернул свиток, глянул, и жилы на лбу его вздулись, а щеки покраснели от гнева. Вот что он прочел:

И Господу теперь хвалу
В Шервуде вознесут
За все, что дешево забрал
Веселый Робин Гуд.

– Как она сюда попала?! – яростно закричал шериф.

– Влетела прямо в окно, ваша милость, – ответил воин, вручивший ему стрелу.

⁷ В Англии под вилланами понималась основная масса феодально-зависимого населения, выполняющего неограниченные отработочные повинности в пользу своего сеньора и подчиненного юрисдикции помещичьего суда. Английские вилланы являлись одной из самых незащищенных в правовом отношении категорий населения. – *Примеч. ред.*

Друзья спасают Уилла Стьютли

Убедившись, что ни законным путем, ни хитростью Робина Гуда не взять, шериф не находил себе места и все повторял: «Какой же я дурак! Если бы я не рассказал королю о Робине Гуде, то не попал бы в такой переплет. Теперь либо я его поймаю, либо на меня падет гнев его величества. Испробовал я законный путь, испробовал хитрость, и ни в том, ни в другом не преуспел. Что ж, попробую действовать силой».

Он созвал констеблей и отдал приказ:

– Возьмите каждый под свое начало по четыре хорошо вооруженных человека, идите в лес, затаитесь в разных местах и ждите, пока не покажется Робин Гуд. Если разбойников будет слишком много, трубите в рог, и пусть те, кто будет неподалеку, как можно скорее спешат на помощь. Так, думаю, нам удастся поймать этого мошенника. Тому, кто первым сойдется с Робин Гудом в поединке и доставит его сюда живым или мертвым, будет дана награда в сто фунтов серебром. Тот, кто возьмет любого из его шайки, живым или мертвым, получит сорок фунтов. Покажите всю вашу смелость и ловкость.

Шестьюдесятью отрядами по пять человек отправились они в Шервудский лес, чтобы захватить Робина Гуда, и каждый констебль надеялся, что именно он поймает отчаянного преступника или, на худой конец, кого-нибудь из его шайки. Семь дней и ночей рыскали они по лесу, но не встретили ни единой души в зеленой одежде, ибо Робину Гуду все планы шерифа были уже известны от верного Идома из «Синего кабана».

Услышав тревожные вести, Робин промолвил:

– Если шериф хочет взять меня силой, то большая беда ждет и его, и многих других, куда лучших, чем он. Прольется кровь, и ничем, кроме несчастья, это не обернется. Я не хочу нести горе женщинам, что останутся вдовами после гибели славных йоменов. Однажды я убил человека и больше не хочу брать на душу эту великую тяжесть. Лучше нам избежать битв и кровопролития. Мы останемся в лесу и будем тихи и незаметны – так будет лучше для всех. Но если нас вынудят защищаться, пусть каждый возьмет в руки лук и покажет свою силу и храбрость.

Многие его товарищи, услышав эти слова, покачали головами. «Теперь шериф решит, что мы трусы, и народ станет над нами смеяться, говорить, что мы испугались шерифовых воинов» – вот что, наверное, подумали они. Но вслух никто спорить не стал, все поступили так, как велел им Робин.

Семь дней и ночей они прятались в самой чаще Шервудского леса. На восьмое утро Робин созвал всех и сказал:

– Кто готов пойти поглядеть, как там шерифовы люди? Вряд ли станут они вечно сидеть здесь в лесу.

Товарищи Робина зашумели. Каждый поднял лук с криком, что готов взяться за это дело. Сердце их предводителя преисполнилось гордости, когда оглядел он своих дюжих, смелых собратьев.

– Все вы верные и храбрые воины, мои добрые друзья, – сказал он им, – но все не могут идти на это дело. Я выберу лишь одного из вас – им станет Уилл Стьютли, что хитростью не уступит шервудскому лису.

Уилл Стьютли высоко подпрыгнул и громко рассмеялся, хлопая в ладоши от радости.

– Спасибо тебе, предводитель! – сказал он. – Если не принесу я тебе вестей об этих подлецах, больше не зови меня хитрецом Уиллом Стьютли.

Он оделся в платье нищенствующего монаха, спрятав под одеждой меч – так, чтобы легко можно было достать его в случае нужды, – и пустился в путь. Миновав опушку леса, Уилл вышел на большую дорогу. Ему повстречались два отряда шерифа, но он не свернул в сторону,

лишь получше спрятал голову в капюшон и сложил руки так, будто о чем-то глубоко задумался. Так добрался он до харчевни «Синий кабан».

«Наш добрый друг Идом расскажет мне все новости», – подумал Уилл Стьютли.

В «Синем кабане» он обнаружил еще один отряд шерифа, угощавшийся элем. Уилл не стал ни с кем заговаривать и, не выпуская из рук палки, сел на дальнюю скамью, склонив голову в притворной задумчивости. Он сидел и ждал, когда можно будет переговорить с хозяином. Идом его не узнал и решил, что перед ним усталый бедный монах, и, хотя монахов он не любил, решил не досаждать бедолаге и оставить его в покое. «Ну не настолько же я жестокосерден, чтобы гнать хромую собаку с порога», – подумал Идом. Тут к Стьютли подошел большой хозяйский кот и потерял о его ногу, задрал монашеское одеяние на ширину ладони. Стьютли поскорее одернул рясу, но констебль успел заметить под рясой зеленое сукно. «Никакой это не нищенствующий монах. Честный же человек не станет ходить в монашеской одежде, однако и вору она ни к чему. Наверняка это один из людей Робина Гуда». Так подумал констебль, а вслух сказал:

– Святой отец, не примешь ли от меня добрую кружку мартовского пива, дабы утолить жажду?

Стьютли молча покачал головой, подумав: «Вдруг есть тут кто-нибудь, кому знаком мой голос?»

Тогда констебль снова заговорил:

– Куда ты, монах, держишь путь в этот жаркий летний день?

– Иду с паломничеством в Кентербери, – ответил Стьютли хрипло, чтобы никто его не признал.

– Скажи-ка, святой отец, все паломники в Кентербери носят зеленую одежду под монашеской рясой? Ха! Богом клянусь, ты наверняка ворюга, а то и вообще один из шайки Робина Гуда! Шевельнешь рукой или ногой – я разрублю тебя пополам!

Сказав так, констебль выхватил сверкающий меч и прыгнул к Уиллу Стьютли, думая, что застанет его врасплох, но у Стьютли в руке тоже был меч, который он крепко сжимал под рясой и выхватил прежде, чем противник оказался рядом. Констебль нанес ему мощный удар, ставший последним для него в этой схватке, ибо Стьютли, искусно отразив его, изо всей мощи ударил констебля в ответ. Так бы и убежал Уилл, если бы ошалевший от боли, окровавленный противник не обхватил руками его колени. Тут на Стьютли ринулись остальные, он ударил одного из них, но стальной шлем защитил нападавшего: лезвие ушло глубоко, однако удар оказался несмертельным. Тем временем констебль, теряя сознание, увлек Стьютли за собой на землю, и другие, видя, что йомен бездвиген, бросились на него. Один из них так сильно ударил Стьютли по голове, что кровь заструилась у того по лицу и лишила возможности видеть, однако он продолжал отбиваться столь мужественно, что нападавшие с трудом его удержали. В конце концов они все же связали беднягу прочной веревкой, так что он не мог шевельнуть ни рукой ни ногой, и ему пришлось покориться.

Робин Гуд стоял под деревом в чаще леса, думая, как там дела у Уилла Стьютли, и вдруг увидел двух своих йоменов, бегущих по лесной тропинке, а с ними – румяную Мэйкен из «Синего кабана». Сердце у Робина упало: он понял, что его ждут дурные вести.

– Уилла Стьютли поймали, – воскликнули друзья Робина, подбегая к нему.

– Ты сама это видела? – спросил Робин девушку.

– Да, точно, так все и было, – проговорила она, дыша тяжело, как спасшийся от гончих заяц, – и, боюсь, он опасно ранен. Его связали и забрали в Ноттингем. Когда я выбегала из «Синего кабана», то услышала, что завтра его повесят.

– Завтра его не повесят, – воскликнул Робин, – а если повесят – многим придется грызть землю, многие станут кричать «о горе!».

Он приставил ко рту горн и трижды громко протрубил. Тут же со всех сторон подбежали к нему его добрые йомены – полторы сотни храбрецов.

– Слушайте все! – громко возвестил Робин. – Дорогой наш друг Уилл Стьютли схвачен подлыми людьми шерифа, а потому нам нужно взять луки и мечи и вызволить его. Мы должны рискнуть ради него жизнью, ибо он ради нас поставил на кон свою. Правильно говорю я, товарищи мои?

И все как один громко крикнули: «Да!»

На следующий день они вышли из Шервудского леса разными тропинками. Требовалось быть крайне осторожными, и потому йомены разбились по двое – по трое и договорились встретиться в заросшей лощине близ Ноттингема. Когда все они собрались там, Робин обратился к товарищам с такими словами:

– Заляжем здесь в засаде и будем ждать вестей. Мы должны быть хитры и осмотрительны, если хотим освободить Уилла Стьютли из лап шерифа.

Они выжидали в засаде, пока солнце всю не засияло в небе. День был теплый, и на пыльной дороге, тянувшейся вдоль серых стен Ноттингема, кроме медленно бредущего старого паломника, не было ни души. Робин позвал юного Дэвида Донкастерского, находчивого не по годам, и сказал ему:

– Иди-ка, мой юный Дэвид, и поговори с паломником, что идет вдоль городской стены. Он держит путь из Ноттингема и, может быть, знает новости о нашем Стьютли.

Дэвид подошел к паломнику, поклонился и заговорил:

– Утро доброе, отец, не скажешь ли мне: повесят сегодня Уилла Стьютли или нет? Я издали пришел поглядеть, как этого мошенника вздернут. Не хотелось бы пропустить эту потеху.

– Стыдись, юноша! – ответил ему паломник. – Как можешь ты говорить такие слова, когда достойного человека хотят повесить, а вся вина его в том, что он защищал свою жизнь! – Старик в гневе ударил палкой оземь. – Горе, что суждено такому случиться! Уже сегодня к вечеру, когда солнце будет стоять низко, его повесят – там, где сходятся три дороги, в восьмидесяти родах от больших ворот Ноттингема. Шериф объявил, что смерть его станет предупреждением всем преступникам Ноттингемшира. И снова говорю я: какое горе! Пусть Робин Гуд с товарищами и преступники, но грабят они лишь облеченных властью и богатством негодяев, и нет в окрестностях Шервуда ни одной бедной вдовы и многодетного крестьянина, у кого не было бы благодаря Робину в достатке ячменной муки на год. Сердце мое кровью обливается при мысли, что доблестный Уилл Стьютли погибнет, ибо и сам я, прежде чем стать паломником, был добрым саксонским йоменом и хорошо знаю, что такое сильная рука, мощно бьющая жестокого норманна и аббата с толстой мошной. Если бы Робин Гуд знал о том, какой опасности подвергся добрый Стьютли, возможно, прислал бы на помощь людей, чтобы спасти его от рук врагов.

– Да уж, верно! – воскликнул молодой человек. – Если бы Робин и его друзья были неподалеку, не сомневаюсь, они бы постарались всю, чтобы вызволить своего товарища из беды. Доброго тебе пути, старик, и по верь мне, если Стьютли погибнет, месть не заставит себя ждать.

Он повернулся и быстро зашагал прочь, а паломник смотрел ему вслед, бормоча себе под нос: «Этот юнец точно не деревенщина, пришедший поглядеть, как казнят доброго человека. Что ж, может статься, Робин Гуд не так уж и далеко отсюда и сегодня грядут еще большие дела».

Когда Дэвид Донкастерский передал Робину Гуду слова паломника, Робин призвал товарищей и обратился к ним с такой речью:

– Пойдем теперь прямо в Ноттингем и смешаемся с толпой. Но не теряйте друг друга из виду, и, когда пленника выведут на улицу, постарайтесь как можно ближе подобраться к нему и охране. Без нужды никого не бейте, я хочу избежать кровопролития, но уж если придется

бить – бейте сильно, так чтобы по второму разу уже не пришлось. Потом держитесь вместе, пока не вернемся в Шервуд, пусть никто не идет в одиночку.

Солнце опустилось низко, и из-за городской стены послышался сигнал трубы. В Ноттингеме началась суета, народ высыпал на улицы – все знали, что знаменитого Уилла Стьютли сегодня повесят. Ворота замка открылись, и оттуда с шумом и лязгом выехал отряд всадников, во главе в сверкающей броне скакал сам шериф. В гуще стражников ехала телега, в ней с петлей на шее сидел Уилл Стьютли. Из-за раны и потерянной крови лицо его было бледнее, чем луна в дневное время, а светлые волосы в запекшейся крови клочьями прилипли ко лбу. Он поглядел по сторонам, но среди полных участия и сострадания лиц, тут и там встретившихся ему в толпе, не увидел ни одного знакомого. Сердце у него упало, но, когда он обратился к шерифу, голос его звучал мужественно и непреклонно:

– Дайте мне в руки меч, господин шериф. Хоть я и ранен, я стану сражаться с вами и вашими воинами до последней капли крови.

– Нет, жалкий негодяй, – ответил шериф, повернувшись к Уиллу Стьютли и глядя на него с неумолимым видом. – Не будет тебе меча, ты умрешь низкой смертью, какая и подобает подлому вору.

– Тогда развяжите мне руки, и я сражусь с вами и вашими воинами без оружия, одними кулаками. Я не прошу оружия, прошу лишь смерти в бою.

Шериф громко рассмеялся:

– Что, свело твой гордый живот? Исповедуйся, жалкий плут: сегодня тебя повесят там, где сходятся три дороги, и пусть всякий увидит, как тебя вешают, пусть воронам да галкам будет что поклевать.

– Подлая ты душа! – воскликнул Уилл Стьютли, скрежеща зубами. – Трусливая собака! Если встретишься моему предводителю – дорого заплатишь за то, что сотворишь сегодня! Он презирает тебя, равно как и все достойные люди. Разве ты не знаешь, что ты и имя твое – главный повод для шуток у всякого храброго йомена? Подлый трус! Такой как ты никогда не одержит верх над отважным Робинот Гудом!

– Ха! – в гневе вскричал шериф. – Вот, значит, как? Твой, как ты его называешь, предводитель насмехается надо мной? Что ж, сейчас я пошучу над тобой – и невесело пошучу! Тебя четвергуют, оторвут ноги и руки, одну за другой, сразу после того, как повесят!

Он пришпорил лошадь и больше не сказал Уиллу Стьютли ни слова.

Процессия прибыла к воротам, через которые Стьютли увидел просторы, расстилающиеся за городской стеной, горы и доли, одетые в зелень, а вдаль – темную полосу Шервудского леса. Он увидел закатный солнечный свет, падающий на поля, рдеющий на крышах хлевов и фермерских домов. А когда он услышал вечернее пение птиц, блеяние овец на склоне холма, когда увидел ласточек, носящихся в синем небе, сердце его преисполнилось тоски и из глаз заструились горькие слезы, так что он едва мог видеть. Стьютли опустил голову, чтобы народ, увидев его слезы, не решил, будто он малодушен. Так, с опущенной головой, он и ехал, пока процессия не миновала ворота и не оказалась за пределами города. А когда он поднял глаза, сердце чуть не выскочило у него из груди – и потом замерло: он увидел лицо одного из своих товарищей. Поглядев по сторонам, приговоренный повсюду увидел своих друзей, надвигавшихся на охранявших его воинов. Внезапно кровь прилила к его щекам: на мгновение он увидел в толчее Робина Гуда и понял, что весь их отряд здесь. Но между ним и товарищами был строй стражников.

– А ну прочь! – послышался властный крик шерифа, на которого со всех сторон наступала толпа. – Вы что наседаете, негодяи? А ну назад, кому говорю!

Начался шум, и в поднявшейся суматохе кто-то из толпы попытался прорваться сквозь строй всадников к телеге. Стьютли увидел, что это был Малыш Джон.

– Эй, ты, не лезь! – крикнул стражник, которого Малыш толкнул локтем.

– Сам не лезь! – ответил Малыш Джон и тут же огрел стражника по голове, отчего тот свалился, как падает бык от удара мясника. Малыш Джон вскочил в телегу Стьютли.

– Надеюсь, ты попросишься перед смертью со своими друзьями, Уилл? – проговорил он. – Или, раз уж тебе непременно нужно умереть, я погибну с тобою вместе, – лучшей компании мне для этого дела не сыскать!

Одним ударом Малыш Джон рассек узы, скреплявшие руки и ноги Уилла, и тот мигом выпрыгнул из телеги.

– Глазам не верю, – вскричал шериф, – этот негодяй – бунтовщик! Взять его, приказываю вам, взять и держать крепко!

С этими словами он пришпорил лошадь и помчался к Малышу Джону. Приподнявшись в стременах, шериф хотел изо всех сил ударить Малыша Джона мечом, но тот увернулся, нырнул под лошадь, и клинок просвистел над его головой, не причинив вреда.

– Дорогой господин шериф, – крикнул он, выскакивая обратно, – пожалуй, я позаимствую у тебя твой превосходный меч!

Ловким движением Малыш Джон выхватил оружие из рук шерифа.

– Эй, Стьютли, гляди: шериф одолжил тебе свой меч! Вставай спиной к спине со мною и защищайся – помощь близко!

– Взять их! – шериф ревел, что есть мочи, точно взбешенный бык. Он снова пришпорил лошадь и подскочил к Стьютли и Джону, что стояли, готовые защищаться, спиной к спине. От гнева и ярости шериф забыл, что в руках у него нет оружия.

– Прочь! – крикнул Малыш Джон.

Тут послышался пронзительный звук горна, и в дюйме от шерифовой головы просвистела стрела. Началось настоящее светопреставление: ругательства, крики, стоны, звон стали, сверканье мечей в лучах закатного солнца, свист множества стрел и отчаянные крики «спасите!», «помогите!».

– Измена! Преступление! – вопил шериф. – Отступаем! Отступаем, не то нас всех убьют! – Он развернул лошадь, и, прокладывая себе путь сквозь толпу, поскакал назад в город.

Робин Гуд и его товарищи легко могли положить половину людей шерифа, если бы только захотели, но они позволили стражникам выбраться из толпы и уйти восвояси, лишь несколько стрел полетели им вдогонку, побудив ускорить и без того резвый бег.

– Эй, погоди! – крикнул Уилл Стьютли вслед шерифу. – Никогда тебе не поймать храброго Робина Гуда, коли не хватает смелости встретиться с ним лицом к лицу!

Но шериф ничего не ответил, лишь пришпорил коня, пониже пригнувшись к его шее.

Уилл Стьютли обернулся к Малышу Джону и глядел на него, пока слезы ручьем не побежали из глаз и он не заплакал в голос. Целуя друга в обе щеки, он повторил:

– Малыш Джон, мой самый верный друг, люблю тебя больше всех на свете! Как мало надеялся я увидеть сегодня твое лицо и встретить тебя на этом свете!

Малыш Джон не смог ничего ответить, потому что тоже плакал.

Потом Робин Гуд построил всех плотным строем, в центре поставил Уилла Стьютли, и отряд медленно двинулся в сторону Шервудского леса, прочь от Ноттингема. Они ушли, как уходит грозовая туча оттуда, где только что бушевала гроза. Десятерых воинов шерифа они оставили на земле ранеными, но никому не было доподлинно известно, чьи руки их сразили.

Итак, трижды пытался шериф ноттингемский схватить Робина Гуда и трижды потерпел поражение. В последний раз он испугался не на шутку, ибо почуял, как близок был к тому, чтобы расстаться с жизнью. Шериф сказал себе: «Эти люди не боятся ни Бога, ни человека, ни короля, ни его слуг. Уж лучше лишиться службы, чем жизни. Отныне я не стану их донимать». Много дней сидел он в своем замке, не осмеливаясь и носа высунуть из дому. Все это время был он мрачен и ни с кем не разговаривал, – шериф ноттингемский стыдился того, что произошло в день несостоявшейся казни Уилла Стьютли.

Как Робин Гуд обернулся мясником

Итак, Робин Гуд трижды не дал себя пленить шерифу ноттингемскому. Он сказал себе: «Как только выдастся удобный случай, я заставлю почтенного шерифа заплатить за все, что он сделал. Было бы славно привести его в Шервудский лес и заставить весело попировать вместе с нами». Захватывая барона или эсквайра, жирного аббата или епископа, Робин частенько приводил «гостей» к своему дереву в лесу и потчевал, прежде чем облегчить их кошельки.

Однако пока Робин Гуд и его товарищи тихо жили в Шервудском лесу и не выходили за его пределы, ибо Робин понимал, сколь неразумно показываться вблизи Ноттингема, покуда шериф так страшно на них разгневан. Но, даже не покидая лесной чащи, они жили весело, забавляясь стрельбой по венкам, подвешенным к ветвям ивы на краю лесной лужайки. По лесу то и дело разносились веселый смех и шутки, потому что каждому промахнувшемуся полагался крепкий удар, от которого неудачливый йомен непременно валился на землю, если за работу брался Малыш Джон. Развлекались они и рукопашным боем, и драками на дубинках, а потому каждый день прибавляли в силе и ловкости.

Так прожили славные йомены почти год, и за это время Робин Гуд не раз подумывал, как бы ему расквитаться с шерифом. Наконец ему надоело лесное затворничество, и в один прекрасный день он взял свою крепкую дубинку и пошел на поиски приключений. Беспечно зашагал он к окраине Шервуда, вышел за его пределы и на залитой солнцем дороге увидел молодого мясника на крепкой новенькой телеге, запряженной ладной лошадкой. Телега была полна мяса. Трясаясь в своей повозке, мясник беззаботно насвистывал: он ехал на рынок, день был свежий и ясный, и на душе у него было легко.

– Доброго тебе утра, парень, – обратился к нему Робин. – Ты, похоже, сегодня в прекрасном настроении.

– Так и есть, – отвечал мясник, – отчего ж мне не радоваться? На здоровье не жалуюсь. Девушка у меня – красивей не найдешь в Ноттингемшире, и в этот четверг в Локсли я на ней женюсь!

– Ба! – воскликнул Робин. – Да ты из Локсли? Мне этот чудный город хорошо знаком, знаю там каждое дерево и каждый каменистый ручеек, и даже каждую рыбку, что в нем плавает, ведь я там родился и вырос. Куда же везешь ты мясо, друг мой?

– Я еду на рынок в Ноттингем – продать говядину да баранину, – объяснил мясник. – А ты кто таков будешь?

– Я йомен, и зовут меня Робин Гудом.

– Матерь Божья! – вскричал мясник. – Мне хорошо знакомо твое имя, много раз доводилось мне слышать, как поют и рассказывают о твоих делах. Но, прошу тебя, не бери у меня ничего! Я честный человек, никогда никому не чинил вреда и тебе дурного не делал.

– Боже упаси. К чему мне обирать тебя, друг? – успокоил его Робин. – Не возьму с тебя ни гроша, нравятся мне такие саксонские лица, как твое, особенно если они родом из Локсли, а уж тем более, если обладатель этого лица в четверг женится на красивой девушке. Но скажи мне, по какой цене продал бы ты мне все свое мясо вместе с лошастью и телегой?

– В четыре марки оценил бы я мясо, лошадь и телегу, – ответил мясник.

Робин снял с пояса кошельки:

– Вот тебе шесть марок. Хотел бы я на день стать мясником и продать в Ноттингеме свой товар. Отдашь ли мне за шесть марок еще и свою одежду?

– Да благословят тебя все святые, добродетельный человек! – радостно воскликнул мясник, спрыгивая с телеги и беря кошельки, что протянул ему Робин.

– Да уж, – сказал Робин, – многим я по душе и от многих слышу добрые слова, но добродетельным меня мало кто зовет. Иди назад к своей невесте и поцелуй ее от меня.

С этими словами он надел мясников передник, забрался в телегу, взял в руки поводья и поехал через лес в Ноттингем.

Прибыв на место, он направился в ту часть рынка, где торговали мясники, и занял лучший прилавок. Выложив свой товар, он достал мясницкий нож, точило и, со звоном ударяя ими друг о друга, запел веселым голосом:

Служанок я зову сюда
И приглашаю дам!
Я мясо то, что стоит три,
За пенни вам отдам!

Я нынче к вашему столу
Принес ягненка ляжки,
Что кушал только пирожки,
Фиалки и ромашки!

Седло барашка я принес
И вырезку говяда,
Телятину пуховую
И молоко что надо!

Служанок я зову сюда
И бережливых дам!
Я мясо то, что стоит три,
За пенни вам отдам!

Все стоявшие рядом в изумлении слушали эти легкомысленные куплеты. Закончив петь, он еще громче ударил ножом о точило и крикнул во весь голос:

– Кому мясо! Кому мясо! Четыре цены у меня. Жирному монаху да священнику отдам я мяса на три пенни за шесть пенсов, потому что таких покупателей мне не нужно. С олдерменов возьму я по три пенса, потому что мне все равно, купят они мой товар или нет. С красивой дамы возьму я за мясо на три пенни лишь один, потому что такие покупатели мне по душе. А с милой девушки, которой по вкусу придется ладный мясник, ничего не возьму, кроме поцелуя, потому что такой покупатель мне по душе более всех прочих.

Вскоре вокруг Робина собралась толпа. Никогда еще в Ноттингеме не видали такой торговли. Оказалось, что торгует он, как и говорил: дамам и домохозяйкам за один пенни он продавал столько мяса, сколько у других они купили бы за три, а вдовам и бедным женщинам отдавал товар даром. Если подходила к нему милая девушка и дарила поцелуй, он тоже не брал за мясо ни гроша. И таких у его прилавка собралось немало, ведь глаза у него были голубые, как июньское небо, и, взвешивая каждой полную меру, он весело смеялся. Так он продал все мясо, пока стоявшие рядом мясники не успели продать ни фунта.

Стали они промеж собой обсуждать Робина. Некоторые говорили: «Должно быть, он вор и украл телегу, лошадь и мясо». Другие не соглашались: «Да где вы видели вора, что стал бы так легко расставаться со своим добром? Видать, он мот – продал землю своего отца и хочет пожить вволю, пока деньги не кончатся». Тех, кто так думал, становилось все больше.

Несколько мясников решили подойти к нему и завязать знакомство.

– Эй, брат, – сказал тот, что был среди них главным, – у нас с тобой одно ремесло. Сегодня шериф предложил мясникам отобедать вместе с ним в гильдии, не хочешь ли составить нам

компанию? Угощение будет знатное, и выпивки много. Такой веселый малый, как ты, должно быть, не прочь опрокинуть кружку-другую?

– Тысяча проклятий, какой же мясник откажется от такого приглашения, – смеясь, ответил Робин. – Я с вами, славные парни!

Он закрыл свой прилавок и отправился вместе с мясниками на ужин в гильдию.

Шериф уже был на месте, а с ним и многие члены гильдии. Когда Робин и его спутники вошли, смеясь над веселой историей, которую он им рассказывал, бывшие рядом с шерифом шепнули ему: «Это тот безумный парень, что продавал сегодня на один пенни больше мяса, чем мы на три, а всякой девчонке, что целовала его, отдавал мясо за так». Другие сказали: «Вот транжира. Видно, продал свою землю за золото и серебро и намерен прокутить все денежки».

Шериф не признал Робина Гуда в одежде мясника. Он подозревал его и усадил по правую руку от себя – богатый и расточительный парень пришелся ему по нраву, особенно когда он подумал, что может облегчить карманы простофили и потуже набить свой кошелек. Он уделял Робину много внимания, смеялся и беседовал с ним больше, чем с другими гостями.

Наконец подали обед, и шериф предложил Робину прочесть молитву. Робин встал и произнес:

– Да благословят Небеса всех нас, а также добрую пищу и вино в этом доме, и пусть все мясники будут такими же честными, как я.

При этих словах все засмеялись, и шериф громче всех. «Этот простак и правда не знает цены деньгам, и, быть может, мне удастся вынуть из его кошелька часть денежек, которыми он так легко разбрасывается» – так подумал шериф, вслух же сказал Робину:

– Ты отличный парень, и очень мне нравишься! – И хлопнул его по плечу.

Робин тоже громко рассмеялся:

– Да, я знаю, отличные парни тебе по нраву! У тебя на состязании стрелков был сам Робин Гуд и ты с радостью отдал ему в руки золотую стрелу!

Услышав это, шериф помрачнел, а вместе с ним и мясники. Никто, кроме Робина, не смеялся, лишь некоторые хитро перемигнулись друг с другом.

– Ну, угости же нас вином! – воскликнул Робин. – Надо веселиться, пока можем, ведь человек – пылинка, и жизнь коротка. Скоро все мы пойдем на корм червям, как говорит наш добрый болтун Суонтолд. Так станем же радоваться, пока не пришел наш черед! Не вешай нос, господин шериф. Кто знает, может, тебе еще удастся поймать Робина Гуда, если будешь поменьше пить вина да мальвазии, стрясешь немного жир с пуза и выбьешь пыль из мозгов. Веселись, мой друг!

Шериф снова засмеялся, но по виду его было непохоже, что острота его позабавила. А мясники говорили между собой: «Боже милостивый, никогда еще не видали мы такого бесшабашного парня. Не разозлил бы он шерифа!»

– Щедрый ты человек, – промолвил шериф. – Я слышал, сегодня на рынке ты раздавал свой товар даром. Как видно, много у тебя скота и земли.

– Верно, – отвечал Робин, снова смеясь. – У нас с братьями более пятисот голов скота, но ни одной не смогли мы продать, иначе не превратился бы я в мясника. Что до земли, то я своего управляющего не спрашивал, сколько у меня акров.

При этих словах глаза у шерифа блеснули, и про себя он довольно ухмыльнулся.

– Что ж, – сказал он вслух, – раз тебе никак не продать скот, может быть, мне удастся найти человека, который у тебя его купит. Может быть, этим человеком стану даже я сам: нравятся мне такие славные парни, как ты, я всегда рад им помочь. Сколько ты хочешь за свою скотину?

– Цена моему стаду по меньшей мере пять сотен фунтов.

– Не-е-ет, – протянул шериф, будто обдумывая что-то, – люб ты мне очень, но пятьсот фунтов – кругленькая сумма, к тому же с собой у меня таких денег нет. Но я готов дать тебе за все стадо три сотни фунтов, чистым серебром и золотом.

– Ах ты, старый скряга, – ответил Робин, – тебе прекрасно известно, что за такое большое стадо и семь сотен фунтов – мало! А ты, убеленный сединами и стоящий одной ногой в могиле, хочешь на мне нажиться, надеясь на мою темноту и глупость!

Шериф мрачно воззрился на Робина.

– Нечего глядеть на меня так, словно ты кислого пива глотнул. Принимаю твою цену, потому как нам с братьями нужны деньги. Мы любим весело пожить, а на гроши не разгуляешься, так что ударю с тобой по рукам. Но только принеси мне ровно три сотни фунтов, а то я не шибко доверяю тем, кто так прижимист.

– Я принесу тебе деньги, – пообещал шериф. – Но звать-то тебя как?

– Меня зовут Робертом из Локсли, – ответил Робин.

– Что ж, Роберт из Локсли, – промолвил шериф, – сегодня я приеду посмотреть на твою скотину. Но сначала мой человек составит бумагу, по которой ты обязан будешь продать мне стадо, и ты не получишь денег, пока оно не окажется в моих руках.

Робин снова рассмеялся.

– По рукам, – сказал он, ударяя ладонью о ладонь шерифа. – Мои братья будут благодарны тебе за эти деньги.

Так сделка была заключена, и многие мясники поговаривали между собой, что шериф поступил подло, жестоко обманув бедного простофилю.

В тот же вечер Робин продал торговцу за две марки свою телегу с лошастью и вместе с шерифом покинул пределы Ноттингема. Они двинулись в путь по пыльной дороге, смеясь и шутя, точно старые друзья. Шериф ехал верхом, а Робин бежал, держась возле его стремени. «Дурачина ты этакий, шуточка про Робина Гуда обошлась тебе в четыре сотни фунтов», – тем временем думал шериф. По меньшей мере столько рассчитывал он выиграть на этой сделке.

Так добрались они до опушки Шервудского леса, и только тут шериф огляделся по сторонам. Он замолк, перестал смеяться и произнес:

– Да сохранит нас сегодня Господь и все святые от встречи с негодяем по имени Робин Гуд.

Робин громко расхохотался:

– Можешь быть спокоен, я прекрасно знаю Робина Гуда и прекрасно знаю, что от него тебе сегодня угрожает не больше опасности, чем от меня.

Шериф глянул на Робина искоса и процедил:

– Не нравится мне, что ты водишь знакомство с этим отъявленным преступником, и лучше бы мне оказаться подальше от Шервудского леса.

Между тем они все дальше уходили в чащу, и чем глубже они продвигались в лес, тем молчаливее становился шериф. Добравшись до места, где дорога резко брала в сторону, они увидели впереди стадо оленей, пересекавших тропинку. Робин Гуд подошел вплотную к шерифу, указал на стадо и проговорил:

– Вот моя скотина, господин шериф. Нравится? Смотри, какая тучная и пригожая!

Услышав эти слова, шериф резко натянул поводья:

– Слушай, парень, я, пожалуй, поеду прочь из этого леса, компания твоя мне не по душе. Ступай-ка своей дорогой, а мне позволь пойти своей.

Но Робин лишь рассмеялся в ответ и ухватился за поводья шерифовой лошади.

– Ну уж нет! – воскликнул он. – погоди-ка, я хочу тебя с братьями познакомить, ведь им это стадо принадлежит так же, как и мне.

С этими словами он приставил ко рту горн и троекратно протрубил в него. Не успел шериф опомниться, как на тропу выскочила сотня дюжих йоменов с Малышом Джоном во главе.

– Что случилось, предводитель? – обратился он к Робину.

– Ты что же, не видишь, какого прекрасного гостя привел я сегодня к нам на пир? Стыд и срам! Ты не признаешь нашего милостивого и почтенного покровителя, шерифа ноттингемского? Возьми-ка поводья, Малыш Джон, сегодня он оказал нам честь и сядет с нами ужинать.

Все почтительно сняли шапки, никто не улыбнулся и не подал виду, что забавляется происходящим. Малыш Джон взял поводья и повел лошадь еще глубже в лес, а Робин Гуд с шапкой в руке пошел сбоку от шерифа.

Все это время шериф не говорил ни слова, и лишь озираясь вокруг, точно только пробудился ото сна. Когда он увидел, что его ведут в самую чашу Шервудского леса, сердце его упало, и он подумал: «Пропали мои триста фунтов, и хорошо еще, если останусь цел, ведь я столько раз замышлял против них недоброе». Однако вид у йоменов был почтительный и смиренный, и шериф не услышал от них ничего, что угрожало бы его жизни или его деньгам.

Наконец пришли они в ту часть Шервудского леса, где раскинул ветви огромный дуб, под которым было устроено сиденье из мха. На него и опустился Робин Гуд, усадив шерифа по правую руку от себя.

– Скорее, друзья мои добрые, – призвал он, – несите сюда все самое лучшее, что у нас есть: и мясо, и вино. Его милость шериф сегодня потчевал меня в Ноттингеме, и я не позволю ему уйти от нас с пустым животом.

О деньгах шерифа за все это время не было сказано ни слова, поэтому тот немного воспрянул духом. «Быть может, – подумал он, – Робин Гуд забыл о них».

Пока рядом потрескивали костры, жарилась оленина да жирные каплуны, грелись у пламени румяные пироги и аромат жаркого наполнял воздух, Робин Гуд развлекал шерифа по-королевски. Сначала четыре пары йоменов показали искусство боя на дубинках, и так ловки они были, так быстро наносили и отбивали удары, что шериф, любивший поглядеть на подобные забавы, хлопал в ладоши, забыв, куда попал, и кричал:

– Хороший удар! Так его, так – ты, чернобородый!

Ему и в голову не пришло, что подбадривает он не кого иного, как жестянщика, которому поручил в свое время предъявить Робину Гуду приказ об аресте.

Несколько йоменов расстелили на зеленой траве скатерти и принесли роскошное угощение. Другие тем временем открыли бочки с вином, мальвазией и крепким элем, разлили их по кувшинам и достали роги для питья. Затем все расселись и принялись есть и пить, пока солнце не опустилось и полумесяц не замерцал бледным светом меж листьев возвышавшихся вокруг деревьев.

Тогда шериф поднялся и произнес:

– Благодарю вас всех, добрые йомены, за веселый пир, что устроили вы для меня сегодня. Вы обращались со мной учтиво, показав, что имеете великое уважение к нашему славному королю и его наместнику в прекрасном Ноттингемшире. Однако уже поздно, и мне нужно спешить, пока не стало совсем темно, иначе я заблужусь в лесу.

Робин Гуд и его товарищи тоже встали, и Робин обратился к шерифу:

– Если пора тебе идти, достопочтенный господин, то иди. Но ты кое-что забыл.

– Я ничего не забыл, – ответил шериф и похолодел от страха.

– Говорю же, ты кое-что забыл, – повторил Робин. – Здесь в лесу у нас славная харчевня, но, кто бы ни стал нашим гостем, он должен заплатить по счету.

Шериф рассмеялся, но смех его был натужный.

– Конечно, весельчаки, мы славно попиrowали, и, даже если бы вы меня не попросили, я заплатил бы вам за гостеприимство двадцать фунтов.

– Нет, – без смеха ответил ему Робин. – Не можем мы так недостойно поступить с вашей милостью. Богом клянусь, господин шериф, мне стыдно будет на людях показаться, если оценю я наместника короля менее чем в три сотни фунтов. Не так ли, товарищи мои добрые?

– Так! Верно! – громко вскричали все.

– Три сотни! – возопил шериф. – Да твой нищенский ужин не стоил и трех фунтов, что и говорить о трех сотнях!

– Э-э-э, – сурово протянул Робин. – Не надо резких слов. Мне ты очень по сердцу, потому что устроил сегодня чудный пир в славном городе Ноттингеме, но есть здесь и такие, кому ты не столь люб и дорог. Если ты глянешь вон туда, то увидишь Уилла Стьютли, в глазах которого не заметно большой к тебе приязни. И те два крепких парня, которых ты не знаешь, были ранены в уличной драке недалеко от Ноттингема тоже не так давно – тебе известно, когда. Один из них сильно повредил руку, но теперь она зажила и он готов пустить ее в дело. Шериф, послушай моего совета, не упрямясь, заплати, что должен, а то как бы не вышло беды.

При этих словах румяные щеки шерифа побледнели, он ничего не сказал, устремил взгляд в землю и прикусил губу. Потом медленно достал толстый кошель и бросил на скатерть перед собой.

– Возьми кошель, Малыш Джон, – приказал Робин Гуд, – и проверь, все ли честно. Мы-то не сомневаемся в нашем шерифе, но ему будет неприятно, если он увидит, что не заплатил по полной.

Малыш Джон пересчитал деньги и подтвердил, что в сумке ровно триста фунтов золотом и серебром. Шерифу же казалось, что со звяканьем каждой новой монеты по капле вытекает кровь из его жил. Увидев груды серебра и золота на деревянном блюде, он отвернулся и в молчании влез на лошадь.

– Никогда еще не было у нас такого почетного гостя! – воскликнул Робин. – А поскольку день клонится к вечеру, я отправлю с тобой одного из своих товарищей, чтобы он указал тебе дорогу в лесной чаще.

– Нет! Боже упаси! – торопливо прокричал шериф. – Я сам найду путь, без вашей помощи.

– Тогда я сам проведу тебя по верной тропе, – настоял на своем Робин.

Он взялся за поводья и вывел лошадь шерифа к главной лесной дороге. А перед тем как отпустить его, сказал:

– Доброго тебе пути, шериф, и, когда в следующий раз решишь обобратить глупого транжиру, вспоминай мой пир в Шервудском лесу. Никогда не покупай лошадь, друг, не поглядев ей прежде в рот, – как говорит папаша Суонтолд. И еще раз, в добрый час!

Он похлопал лошадь по шее, и та повезла своего седока прочь из леса.

Как же горько сожалел шериф о том дне, когда решил связаться с Робин Гудом! По всей стране народ, смеясь, распевал песенки о том, как ноттингемский наместник захотел нажиться и оказался дочиста обобран. Иногда случается, что хитрость и алчность обращаются против самого мошенника и скряги.

Малыш Джон едет на ноттингемскую ярмарку

Со дня шерифовой трапезы в Шервудском лесу много воды утекло: прошла весна, а за ней и лето, наступил щедрый месяц октябрь. Воздух был прохладен и свеж, урожай и шишки хмеля собраны, птенцы стали взрослыми птицами, а яблоки созрели. Много забылось, и народ уже не передавал из уст в уста историю о стаде, которое захотел купить шериф, но тот по-прежнему был мрачен, и в его присутствии никто не отваживался произносить имя Робина Гуда.

Вместе с октябрём пришла пора устраивать Большую ярмарку, что проходила в Ноттингеме каждые пять лет и собирала народ со всей страны. Главной забавой на ярмарке всегда была стрельба из луков, ибо ноттингемширские йомены были лучшими стрелками из больших луков во всей славной Англии. Но в тот год шериф долго сомневался, прежде чем объявить о ярмарке, опасаясь, как бы туда не появился Робин Гуд со своей шайкой. Поначалу он почти склонился к тому, чтобы не устраивать ярмарку, но по здравом размышлении решил, что в таком случае люди станут над ним зубоскалить и говорить, будто он испугался Робина Гуда. В конце концов шериф придумал назначить за победу в состязании такой приз, на который Робин Гуд не позарится. Обычно принято было назначать награду в десять марок или большую бочку эля, но в этот раз глашатаи провозгласили, что наградой лучшему стрелку станут два жирных молодых бычка.

Когда Робин Гуд услышал, какой объявлен приз, он был очень раздосадован.

– Будь проклят шериф! Надо же назначить такую награду, за которую не придет сражаться никто, кроме пастухов! Как бы я хотел еще разок посостязаться в славном Ноттингеме, но что за польза и радость мне будет от этой награды, если я ее выиграю?

Тогда Малыш Джон обратился к нему с такими словами:

– Послушай-ка, предводитель, мы с Уиллом Стьютли и юным Дэвидом Донкастерским не далее как сегодня были в «Синем кабане» и узнали там все новости про ярмарку. Шериф назначил такую награду неспроста: поговаривают, что сделал он это для того, чтобы мы не захотели туда прийти. Так что, если ты позволишь, я поеду и сражусь с йоменами, которые будут состязаться в Ноттингеме, – пусть и за этот жалкий приз.

– Ты крепкий и смелый парень, – ответил ему Робин, – но тебе недостает хитрости, какая есть у славного Стьютли. Я бы не хотел, чтобы с тобой случилась беда. И все же, если ты пойдешь туда, измени свой облик на случай, если там окажутся те, кто с тобой знаком.

– Так и сделаю, предводитель, – пообещал Малыш Джон, – но единственное, что я хотел бы поменять, – это мой зеленый костюм на ярко-красный. Я натяну на голову капюшон куртки, так что моих каштановых волос видно не будет, и тогда, думаю, никто меня не узнает.

– Совсем не по душе мне это, – сказал Робин Гуд, – и все же, если ты так хочешь – иди, только постарайся, чтобы никто тебя не узнал. Ты моя правая рука, и я не вынесу, если с тобой случится несчастье.

Малыш Джон нарядился в красное и отправился на ноттингемскую ярмарку.

Славные были в Ноттингеме эти ярмарочные дни. Луг перед городскими воротами был уставлен рядами разноцветных шатров, украшенных флажками и гирляндами цветов. Со всей страны стекался сюда народ: и простые люди, и знать. В одних шатрах танцевали под веселую музыку, в других рекой текли эль и пиво, в третьих продавали сладкие пирожки и леденцы. Много было развлечений и снаружи, на зеленом лугу: менестрели пели баллады старинных времен, подыгрывая себе на арфах, на арене из опилок сражались друг с другом борцы, но больше всего народу собралось у возвышения, на котором бились на дубинках крепкие молодцы.

Итак, Малыш Джон прибыл на ярмарку. Ярко-красные были на нем чулки и куртка, ярко-красным был капюшон с воткнутым в него сбоку красным пером. Через плечо его был перекинут крепкий тисовый лук, а за спиной висел колчан с добротными стрелами. Многие оборачи-

вались поглядеть на статного высокого парня: он был на голову выше прочих мужчин, а плечи его – на ладонь шире, чем у самых дюжих богатырей. Поглядывая на него украдкой, девушки улыбались и думали, что в жизни не видали молодца краше.

Первым делом Малыш Джон пошел в шатер, где продавали крепкий эль, там он встал на скамью и крикнул:

– Эй, парни! Кто выпьет эля с храбрым йоменом? Идите сюда, все! Повеселимся! День прекрасный, эль что надо. Иди сюда, славный йомен, и ты, и ты. Ни гроша вам не придется заплатить. Эй, поворачивай сюда и ты, бедняк, и ты, бродяга-ремесленник, – всем будет со мной веселье!

Так он кричал, и все со смехом собрались вокруг него, и темный эль потек рекой. Они называли Малыша Джона славным парнем, и каждый клялся, что любит его как родного брата, – ведь когда веселишься за чужой счет, тебе всегда мил тот, кто доставляет эту радость.

Затем Малыш пошел к возвышению, на котором бились на дубинках, потому что любил такие схватки не меньше, чем поесть и выпить. Тут и случилось событие, о котором потом долгое время складывали песни по всей доброй Англии.

Был там один парень, крепко колотивший всех, кто бы ни бросал ему вызов. Звали его Эриком Линкольнским, и имя это было знакомо каждому, ибо о силе его была сложена не одна баллада. Когда Малыш Джон подошел к подмосткам, там никто не дрался. Только храбрый Эрик ходил туда-сюда, помахивая дубинкой да покрикивая:

– Ну, кто на меня, кто возьмет в руки дубинку ради любимой девушки и сразится с добрым линкольнширским йоменом? Давайте, парни! Сюда! Сюда! Неужто в здешних краях глаза у девушек не прекрасны? Или кровь у ноттингемских молодцев слишком холодна? Линкольн против Ноттингема, говорю я! Не ступила еще на этот помост нога человека, которого бы мы в Линкольне назвали бойцом на дубинках!

Услыхав эти слова, то один то другой из стоявших поблизости толкал соседа локтем и говорил: «Иди, Нед!», «Иди, Томас!» – но оказаться с проломленной головой не хотелось никому.

Тут Эрик увидел Малыша Джона, возвышавшегося над толпой, и обратил свою речь к нему:

– Эй, ты! Длинноногий парень в красном! Плечи у тебя широки, и голова мощная. Или недостаточно красива твоя девушка, чтобы взять ради нее дубинку в руки? Право слово, сдается мне, ноттингемцы не из того мешаны теста – нет у них ни силы духа, ни отваги! Эй, ты, увалень, возьмишь в руки дубинку за Ноттингем?

– Была бы при мне моя славная дубинка, – ответил Малыш Джон, – я бы с превеликим удовольствием проломил твою нечемную башку. Наглый хвастун! В самый раз было бы твоей башке с петушиным гребнем получить добрую затрещину!

Сначала он говорил спокойно – нелегко было вывести его из себя, но гнев Малыша Джона набирал силу, как камень, что катится вниз с горы, и в конце концов он разозлился не на шутку.

Эрик Линкольнский громко расхохотался:

– Хорошо сказано – для того, кто боится сойтись со мной в честном поединке, один на один. Сам ты наглец, и если ступишь на этот помост – проглотишь свой наглый язык.

– Эй, – крикнул Малыш Джон, – может кто-нибудь одолжить мне прочную дубинку, чтобы проверил я этого парня на храбрость?

Тут же с десятков парней протянули ему свои дубинки, и он выбрал самую крепкую и тяжелую из всех. Оглядев ее, он сказал:

– В руках у меня щепка – соломина, прямо скажем, – и все же, надеюсь, сослужит она мне добрую службу.

С этими словами он бросил дубинку на помост и, легко вспрыгнув на него следом, снова схватил ее.

Теперь оба стояли на месте и свирепо глядели друг на друга, пока распорядитель не крикнул: «Сходитесь!»

Они сделали по шагу вперед, каждый крепко держал дубинку посередине. А потом стоявшие вокруг увидели лучший поединок на дубинках из всех, что знал Ноттингем.

Поначалу Эрик Линкольнский думал, что легко получит преимущество, и потому двинулся вперед, как бы говоря: «Смотрите, люди добрые, как быстро разделаю я этого петушка», – но тут же увидел, что скорой победы ему не одержать. С большим искусством нанес он мощный удар, однако оказалось, что Малыш Джон ему ровня. Бил он раз, бил два, бил три – Малыш отбивал все удары, и слева и справа. А потом точным ударом наотмашь поразил не сумевшего защититься Эрика, да так, что в голове у того зазвенело. Эрик отступил, чтобы прийти в себя, и слышали бы вы, что за шум и гам поднялись кругом: все были рады, что Ноттингем треснул Линкольн по голове. Так закончилась первая схватка в этом поединке.

Потом распорядитель опять крикнул: «Сходитесь!» – и они снова вступили в борьбу. Теперь Эрик действовал с осторожностью, нежные воспоминания о только что полученном ударе не давали забыть, что перед ним ретивый противник. В этой схватке ни Малыш Джон, ни линкольнец не поразили друг друга. Через некоторое время оба они отступили на шаг назад, и на том закончилась вторая схватка.

Но вот сошлись они в третий раз, и поначалу Эрик Линкольнский пытался быть осторожен, как прежде. Однако соперник отбивал все его удары, Эрик все больше злился и скоро утратил свое обычное благоразумие. Он стал яростно наносить удары один за другим, да так быстро, что они стучали, точно град по крыше. И, несмотря на это, поразить Малыша Джона он не сумел. Тот же улучил момент и быстрым движением ударил соперника по голове. Прежде чем Эрик успел опомниться, Малыш схватил дубинку обеими руками и так треснул его по макушке, что Эрик упал. Казалось, он никогда больше не двинется с места.

Зрители завопили так громко, что народ сбегался на шум отовсюду. Малыш Джон тем временем спрыгнул с помоста и отдал палку тому, кто ее одолжил. Так завершилась знаменитая схватка между Малышом Джоном и прославленным Эриком Линкольнским.

Пришло время лучникам занять свои места, и зрители стали стекаться к месту, где проводилось состязание. Неподалеку на возвышении сидел шериф, окруженный толпой знати. Когда лучники были готовы, вперед выступил глашатай и объявил правила состязаний: каждый должен сделать по три выстрела, и тому, чей выстрел окажется лучшим, наградой станут два жирных бычка. Два десятка удалых молодцов пришли показать свою меткость, в их числе были самые искусные стрелки Линкольна и Ноттингемшира. Среди всех выделялся ростом Малыш Джон.

– Что это за незнакомец, одетый во все красное? – спрашивали одни.

Другие отвечали:

– Да это тот парень, который только что победил Эрика Линкольнского.

Молва достигла наконец и ушей шерифа.

Лучники выступили вперед, и каждый выпустил по стреле. Все выстрелы были хороши, но Малышу Джону не было равных: трижды попадал он в белый круг в центре мишени, и лишь раз стрела оказалась в трети дюйма от центра.

– Молодец, высокий лучник! – шумела толпа. А некоторые кричали:

– Вперед, Рейнолд Гринлиф!

Именно этим именем назвался в тот день Малыш Джон.

Шериф сошел со своего возвышения и подошел к стрелкам. Все они, увидев его, сняли шапки. Он пристально поглядел на Малыша Джона, но не признал его. Однако через некоторое время все же сказал:

– Сдается мне, парень, что где-то я твое лицо уже видел.

– Может быть, и так, – молвил Малыш Джон. – Ведь я вашу милость видал часто.

Произнося эти слова, он уверенно глядел прямо в глаза шерифу, и тот даже не заподозрил, кто перед ним.

– Удал ты, парень, – обратился к нему шериф, – и, слышал я, отстоял ты сегодня Ноттингемшир в битве против Линкольна. Как же зовут тебя, друг добрый?

– Зовут меня Рейнолдом Гринлифом, ваша милость, – ответил Малыш Джон.

В старинной балладе так говорится об этом событии:

Грин – зеленый, лиф – листок, но что имечко с подвохом – то шерифу невдомек.

– Что ж, Рейнолд Гринлиф, – сказал шериф, – ты искусный лучник. Почти не уступаешь лжецу и мошеннику Робину Гуду, да упасут меня Небеса от его коварства! Не хочешь ли поступить ко мне на службу, приятель? Стану тебе хорошо платить: каждый год будешь получать три костюма, хорошую еду и эля сможешь пить вволю. А кроме того, в Михайлов день буду выплачивать тебе сорок марок.

– Я свободный человек и с радостью пойду к тебе на службу, – прозвучал ответ Малыша Джона. Он решил, что, поступив к шерифу на службу, может здорово поразвлечься.

– Ты честно выиграл своих бычков, – объявил шериф, – к ним добавлю я бочку доброго мартовского пива, потому что рад заполучить такого парня.

– Что ж, – сказал на это Малыш Джон, – я тоже рад поступить к тебе на службу, и потому отдаю бычков и бочку пива добрым людям, что тут собрались, пусть повеселятся!

Поднялся шум и гам, и многие от радости стали кидать в воздух шапки.

Были устроены большие костры, на которых зажарили бычков, открыли бочку пива, и все принялись угощаться. Пока пировали, день склонился к закату, и в небе над шпилями и башнями Ноттингема поднялась красная круглая луна. Тогда все взялись за руки и стали танцевать вокруг костров под музыку волынок и арф. Но задолго до того, как началось это веселье, шериф с новым своим слугой Рейнолдом Гринлифом был уже в Ноттингемском замке.

Как Малыш Джон жил у шерифа

Итак, Малыш Джон поступил к шерифу на службу. Жизнь его в Ноттингемском замке оказалась довольно легкой: шериф сделал его своей правой рукой и весьма к нему благоволил. За трапезой Малыш Джон сидел рядом с господином, а на охоте бежал рядом с его лошадей. Охота, в том числе ястребиная, обильные кушанья, доброе вино и сон допоздна привели к тому, что Малыш Джон разжирел, как откормленный в стойле бык. Все шло как по маслу, пока в один прекрасный день не случилось событие, все изменившее.

В то утро шериф собрался поехать на охоту со множеством приближенных и с несколькими вельможами. Он повсюду искал глазами своего доброго слугу Рейнолда Гринлифа и, не найдя его, очень расстроился, так как хотел показать его мастерство своим знатым друзьям. А Малыш Джон тем временем лежал в кровати, сладко похрапывая, хотя солнце уже высоко поднялось в небе. Наконец он открыл глаза и осмотрелся, но подниматься не стал. Холодная зима миновала, и снова пришла весна. Воздух был напоен запахом жимолости, увивавшей стены замка. Малыш Джон лежал без движения, думая о том, какое чудное стоит утро. И тут он услышал далекий сигнал горна, прозвучавший тонко и ясно. Звук был слабый, но, как нарушает гладь воды брошенный в нее камешек, этот звук нарушил тишь и покой его мыслей, и все его существо наполнилось тревогой. Дух его, казалось, восстал от лени и вялости, и память вернула его к славной жизни в лесу: он подумал, как беззаботно щебечут там сейчас птички, как его дорогие друзья и товарищи едят и веселятся, быть может, они с осуждением говорят о нем. Малыш Джон поступил на службу к шерифу шутки ради, но зимой его грел горячий очаг, стол был богат, и он каждый день откладывал возвращение назад в Шервуд. Так прошло полгода. И вот он подумал о своем предводителе Робине Гуде, об Уилле Стьютли, которого он любил более всех на свете, о юном Дэвиде Донкастерском, которого он так славно обучал всем молодецким искусствам, и на него нахлынула тоска, а глаза наполнились слезами. Он сказал себе: «Я тут жирею, как бык в стойле, ничего мужского во мне не осталось, превратился в болвана и лежебоку. Вот поднимусь сейчас, пойду назад к любимым своим друзьям и больше никогда их не покину, до последнего вздоха!»

Возненавидев собственную лень, Малыш Джон вскочил с постели.

Внизу он увидел дворецкого, с огромной связкой ключей на поясе, стоявшего у двери в кладовую. Джон обратился к нему:

– Эй, сударь мой дворецкий, я голоден, за все утро не съел ни крошки. Дай мне поесть.

Дворецкий мрачно глянул на него и побренчал ключами. Он терпеть не мог Малыша Джона, потому что тот пользовался особым расположением шерифа.

– Так ты, сударь мой Рейнолд Гринлиф, есть хочешь, да? – произнес он. – Ну, ты же, милый юноша, достаточно пожил на свете, чтобы понимать: тот, кто слишком много спит, остается с пустым желудком. Как там говорится в старой пословице, сударь мой Гринлиф? «Курица, что дольше всех проспала, – меньше всех поела».

– Слушай, ты, мешок жира, – заорал Малыш Джон. – Мне твои дурацкие пословицы ни к чему. Мне подавай хлеба да мяса. Да кто ты такой, чтобы отказывать мне в еде? Клянусь святым Дунстаном, лучше бы тебе сказать, где лежит мой завтрак, а не то костей не убережешь!

– Завтрак твой, дракон огнедышащий, в кладовой, – ответил дворецкий.

– Так неси его сюда! – рявкнул Малыш Джон, разозлившись не на шутку.

– Сам иди и возьми, – сказал дворецкий. – Я не раб тебе еду таскать.

– Говорю, иди и принеси!

– А я говорю, иди сам и возьми!

– Ладно, пойду и возьму! – гневно воскликнул Малыш Джон.

Он двинулся к кладовой и взялся за дверь, но та оказалась заперта. Дворецкий лишь посмеивался и бряцал ключами. Тут ярость Малыша хлынула через край, он ударил в дверь кладовой, выбив три доски, и, наклонившись, полез в открывшийся проход.

Увидев, что сотворил Малыш Джон, дворецкий едва не потерял рассудок от гнева. Схватив его сзади за шею, он ударил йомена по голове ключами так, что у бедняги в ушах зазвенело. Малыш повернулся к дворецкому и так огрел его в ответ, что толстяк повалился на пол и остался лежать без движения.

– То-то же, – проговорил Малыш Джон, – это тебе будет уроком – не становись между голодным и его завтраком.

С этими словами он пролез в кладовую и обнаружил там большой пирог с олениной, двух жареных каплунов, а рядом тарелку яиц чибиса, да к тому же две бутылки вина, – что может быть приятнее глазу голодного человека? Он снял все это с полки и поставил на стол, намереваясь славно подкрепиться.

На его беду, в кухне, через двор от кладовой, был повар, который услышал перепалку Малыша Джона с дворецким и грохот удара. Не выпуская из рук вертела с жарким, он перебежал через двор и поднялся по лестнице. Дворецкий тем временем успел прийти в себя и встать на ноги. Подбежав к кладовой, повар увидел, как дворецкий сердито глядит через сломанную дверь на Малыша Джона, принимающегося за трапезу, – так голодная собака глядит на товарку, грызущую кость. Заметив повара – мужчину дюжего и высокого, – дворецкий подошел к нему, положил руку ему на плечо и изрек:

– Увы, друг мой! Видишь, что натворил подлый мерзавец Рейнолд Гринлиф! Вломился в кладовую, покусился на добро нашего господина! Меня ударил в ухо, так что я чуть не отдал Богу душу. Ты мне по нраву, повар, и потому станешь каждый день получать бутылку лучшего вина из погребов нашего хозяина, ведь ты старый и преданный слуга. А еще, повар, у меня есть десять шиллингов, которые я тоже хотел бы отдать тебе. Но только погляди, как нахально ведет себя этот гнусный выскочка Рейнолд Гринлиф, можно ли вынести такое!

– Нет, глаза мои на это смотреть не могут! – гневно воскликнул повар, которому пришили по душе слова дворецкого про вино и десять шиллингов. – Ты иди к себе, а я этого мерзавца отсюда за уши вытащу.

С этими словами повар отложил вертел и вытащил меч, что висел у него на поясе. Дворецкий тут же ушел – он не выносил вида оружия.

Повар двинулся прямо к пролому в двери и увидел, как Малыш Джон засовывает за ворот салфетку и приступает к трапезе.

– Это что такое, Рейнолд Гринлиф? – воскликнул повар. – Да неужто ты вор? А ну-ка, выходи, а не то покромсаю тебя, как молочного поросенка!

– Ты повар, вот и води себя как твоему званию приличествует, а не то выйду я отсюда тебе на беду. Обычно я нежен, как годовалый барашек, но если кто-то встает между мною и пищей, то я – лев во гневе!

– Лев не лев, – ответил храбрый повар, – а выйдешь ты отсюда как миленький, иначе ты не только подлый вор, но еще и жалкий трус!

– Ха! – вскричал Малыш Джон. – Вот уж кем-кем, а трусом меня никогда не называли. Смотри, осторожнее, повар, я выхожу – рычащий лев, как только что сказал!

Он тоже вытащил меч и выбрался из кладовки. Противники стали медленно сходитьсь, буравя друг друга свирепыми взглядами. Но вдруг Малыш Джон приостановился.

– погоди, повар, – сказал он. – Сдается мне, это большая глупость: драться, когда рядом чудная еда, что могла бы порадовать двух таких крепких парней, как мы. Давай-ка, друг, прежде чем сражаться, воздадим должное этим яствам. Что скажешь на это?

Повар огляделся и почесал голову в сомнении – он и вправду любил хорошо поесть. Глубоко вздохнув, он произнес:

– Что ж, друг добрый, мне твоя затея по сердцу. Давай, голубчик, угостимся вволю, покуда здесь: ведь, может статься, что один из нас сегодня будет ужинать уже в раю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.